

Скотт Туроу

Презумпция невиновности

Страсть привела его на скамью подсудимых.
На чьей стороне закон будет в этот раз?

Гришэм: лучшее

Скотт Туроу

Презумпция невиновности

«Издательство АСТ»

1987

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

Туроу С.

Презумпция невиновности / С. Туроу — «Издательство АСТ»,
1987 — (Гришэм: лучшее)

ISBN 978-5-17-160062-4

Помощник окружного прокурора Расти Сэбич сделал успешную карьеру, но вот личная жизнь у него не сложилась. Устав от натянутых отношений с женой, он заводит короткий роман с коллегой – молодой и амбициозной ассистенткой Кэролайн. Ситуация резко меняется, когда Кэролайн неожиданно убивают. Взявшись за расследование ее смерти, Расти пытается запутать дело. Однако когда их интрижка перестает быть тайной, Сэбич из следователя превращается в главного подозреваемого и попадает на скамью подсудимых. Пытаясь доказать свою невиновность, Расти обращается за помощью к способному сотворить невозможное адвокату Сэнди Стерну, с которым не раз сталкивался в зале суда. В 1990 году роман лег в основу одноименного фильма с Харрисоном Фордом и Раулем Хулиа в главных ролях.

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-160062-4

© Туроу С., 1987

© Издательство АСТ, 1987

Содержание

Пролог	6
Весна	7
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	36
Глава 7	39
Глава 8	43
Глава 9	49
Глава 10	52
Глава 11	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Скотт Туроу

Презумпция невиновности

© S.C.R.I.B.E., Inc., 1987

© Перевод. Г. Злобин, наследники, 2023

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

* * *

Пролог

Начинаю я всегда так:

– Я прокурор и действую от имени народа нашего штата. Я собираюсь представить вам доказательства совершенного преступления. Вы должны взвесить эти доказательства и решить, свидетельствуют они о вине подсудимого или нет. Этот человек...

И здесь я показываю пальцем на ответчика.

– Всегда показывай пальцем на ответчика, Рáсти, – сказал мне Джон Уайт. Это было в тот день, когда я начал работать в прокуратуре. В управлении шерифа у меня сняли отпечатки пальцев, главный судья округа привел меня к присяге, а Джон Уайт привез на первое в моей жизни заседание суда присяжных. Обвинительную речь от имени народа штата произносил Нэд Холш. Пока тот, отчаянно жестикулируя, распространялся о предстоящем деле, Джон Уайт потечески нашептывал мне на ухо первый урок. Было десять утра, но его дыхание уже отдавало спиртным.

Джон Уайт, крепко сбитый ирландец с торчащей, как метелка кукурузного початка, шевелюрой, был тогда окружным прокурором. Происходило то заседание двенадцать лет назад, когда я даже и не мечтал о кресле окружного прокурора.

– Если у тебя не хватает мужества показывать на подсудимого пальцем, – шептал Джон Уайт, – у присяжных не хватит мужества вынести ему обвинительный вердикт.

И вот я показываю пальцем в сторону подсудимого:

– Этот человек обвиняется в...

Он отворачивается. Или испуганно моргает. Или застывает как каменное изваяние.

Поначалу я часто задумывался над тем, каково это – сидеть на скамье подсудимых под пристальными испытующими взглядами, подвергаться пламенным обличениям и знать, что теперь тебе недоступны обыкновенные блага человеческой жизни – доверие, уважение, свобода. И свобода теперь – как пальто, оставленное в раздевалке, которое тебе могут не выдать, потому что потерял номерок. И тогда я и сам чувствовал безысходность, отчужденность и страх.

Теперь все иначе. Там, где раньше шевелилось сострадание, тяжелым, как груда металла, грузом легли профессиональный долг и служебные обязанности. Такая уж у меня работа. Нет, я не стал бесчувственным, поверьте. Люди всегда расследовали преступления, обвиняли, судили, наказывали. Так было и так будет. Это занятие необходимо как сдерживающий фактор неблагоприятных человеческих поступков. Я служитель единой повсеместно принятой системы, которая отличает правду от неправды, добро от зла.

Я оборачиваюсь к присяжным заседателям:

– Дамы и господа, сегодня на вас возлагается одна из самых серьезных и почетных гражданских обязанностей – вам предстоит сопоставить факты, установить истину. Задача трудная, я знаю. Людям изменяет память, стираются впечатления, гаснут воспоминания. Доказательства часто противоречат друг другу. Вы должны разобраться в вещах, о которых мало кто знает или не хочется говорить. Дома, на службе вы могли бы отказаться: «Не могу, не хочу, сдаюсь!» Здесь вы не имеете права это сделать. Вы должны принять решение.

Совершено преступление, этого никто не отрицает. Есть жертва или жертвы. Вы не обязаны устанавливать причины преступления – мотивы человеческих поступков не всегда поддаются объяснению, – но вы обязаны по крайней мере попытаться определить, что же в действительности произошло. Если вы этого не сделаете, мы не узнаем, заслуживает человек наказания или должен быть освобожден. Не узнаем, кто виноват.

Если мы не можем установить истину, разве можно надеяться на правосудие?

Весна

Глава 1

– Я вроде должен был бы сильнее переживать, – говорит Реймонд Хорган.

Я сначала подумал, что он говорит о прощальном слове, которое он должен произнести. Он только что просмотрел свои записи и положил обе карточки в боковой карман своего синего саржевого пиджака. Но, увидев выражение его лица, я понял, что замечание относилось к его собственному положению. Сквозь окно служебного «бьюика» он смотрит на поток машин, густеющий по мере того, как мы приближаемся к Южной стороне. Вид у Реймонда задумчивый, в нем соединяются торжественность, мужественность и легкая печаль – подходящая натура для изображения на предвыборном плакате. Ну и, конечно, долготерпение и стойкость, присущие нашему городу, и особенно этому району с потемневшими кирпичными строениями, крытыми толем.

Среди сослуживцев Реймонда бытует мнение, что босс сильно сдал. Около полутора лет назад он разошелся с Анной, на которой был женат три десятилетия. Уже год назад держали пари, что он не осмелится или просто не захочет баллотироваться на должность еще раз, объявит об этом за четыре месяца до выборов. Однако вот баллотируется. Некоторые объясняют это желанием быть во власти, жить на публике. Я же считаю, что главная причина – неприкрытая вражда между Реймондом и его главным оппонентом Нико делла Гуарди, который до прошлого года был рядовым прокурором.

Каковы бы ни были его мотивы, кампания оказалась трудной. Пока оставались деньги, были задействованы некоторые учреждения и привлечены специалисты по средствам массовой коммуникации. Трое молодых людей непонятного пола занимались рекламой и следили за тем, чтобы портрет Реймонда красовался на автобусах всех четырех маршрутов города. Он улыбается на них обольстительно-чудаковато. Но по моему мнению, на фотографии Реймонд выглядит глупо – еще один знак того, что он отстаёт от жизни. Видимо, он имел в виду именно это, когда сказал, что должен был бы сильнее переживать. Понимает, что теряет влияние на ход событий.

Реймонд тем временем заговаривает о гибели Кэролайн Полимус трое суток назад, первого апреля.

– Как будто я не понимаю. С одной стороны, Нико распускает слух, будто я ее и пришил. С другой – каждый осел с журналистским удостоверением желает знать, когда мы найдем убийцу. С третьей – секретарши ревут в сортирах. Тут у кого хочешь ум за разум зайдет. Я знал Кэролайн, когда она только начинала. Надзирала за осужденными, выпущенными под залог, и прочей подобной публикой. Тогда она еще не окончила юридическое училище. Собственно, я ее и принял на работу в прокуратуру. Хорошая была деваха, сметливая и сексуальная. И юрист что надо. И как подумаешь, что с ней произошло... Какой-то псих вламывается к ней в дом, насилует ее, а потом чем-то тяжелым по голове, господи Иисусе... Такой конец... Как тут не переживать.

– Никто к ней не вламывался, – говорю я.

Мой уверенный тон удивляет даже меня самого. Реймонд, занявшийся было бумагами, поднимает голову и пронзает меня взглядом.

– Откуда ты знаешь?

Я медлю с ответом.

– Ее же нашли связанной и изнасилованной. Я не начинал бы расследование с опроса ее друзей и поклонников – двери не взломаны, окна не разбиты. Здесь требуется предварительная подготовка.

В разговор ввязывается Коди, уже тридцать лет служащий шофером у окружного прокурора. Коди сегодня необыкновенно молчалив, не ударяется в воспоминания о пьяных разборках на городских улицах. В отличие от Реймонда, да и от меня тоже, если уж на то пошло, он пребывает в печали. Судя по всему, он провел ночь без сна, и это тоже отразилось на его лице. Мое замечание о состоянии квартиры Кэролайн почему-то выводит его из грустной задумчивости.

– Ни дверь, ни окна не были заперты, – говорит он. – Она так любила. Нет, правду говорят, что эта баба не от мира сего.

– Скорее преступник умным оказался, – гну свое я. – Хотел навести на ложный след.

– Не усложняй, Расти, – возражает Реймонд. – Наверняка это дело рук какого-нибудь свихнувшегося бродяги. Тут Шерлоки Холмсы не нужны. Сыщики в таких вещах не хуже тебя разбираются. Вот и ловите преступника, чтобы спасти мою драгоценную шкуру. – Он многозначительно улыбается, давая понять, что у него и без меня забот хватает. Мы оба хорошо понимаем, что нам грозит, если не поймем убийцу Кэролайн.

В своих публичных заявлениях по поводу ее смерти Нико делла Гуарди не церемонился: «Халатность в деле обеспечения законности и общественного порядка, которую вот уже двенадцать лет проявляет окружной прокурор, делает его пособником криминального элемента в городе. Происшедшая трагедия свидетельствует о том, что мистер Хорган не способен обеспечить безопасность даже собственных сотрудников». Нико не объяснил, почему он более десяти лет проработал под началом человека, связанного с уголовным миром. Впрочем, это не входит в задачу политика. К тому же Нико всегда отличался напористостью и наглостью. Уже это сулило ему карьеру на политическом поприще.

И все же мало кто думает, что Нико победит на выборах, которые должны состояться через восемнадцать дней. Более десяти лет Реймонд Хорган завоевывал голоса полутора миллионов избирателей округа Киндл. Правда, сейчас ему еще предстоит заручиться поддержкой партии, что объясняется его давними разногласиями с мэром. Однако его ближайшее политическое окружение, куда я, должен признаться, не вхожу, убеждено, что, как только через полторы недели будут опубликованы результаты первого общественного опроса, другие партийные лидеры заставят мэра изменить позицию и Реймонду гарантирован очередной четырехлетний срок. Победа на первичных выборах в однопартийном городе равносильна избранию.

Коди оборачивается и говорит, что скоро час. Реймонд рассеянно кивает, и тот включает сирену. Всего два коротких сигнала, как точки в азбуке Морзе, но легковушки и грузовики берут в сторону, давая дорогу черному «бьюику». У здешних улочек жалкий вид: деревянные дома, покосившиеся крыльца, играющие прямо на тротуарах дети с золотушными личиками. Я рос в трех кварталах отсюда. Мы ютились в двухкомнатной квартирке над отцовской пекарней. Ни одного светлого воспоминания о тех днях. Днем мы с мамой помогали отцу – в школу я ходил не каждый день. По вечерам он запирал нас в одной комнате, а сам пил в другой. Я был единственным ребенком у родителей.

Мало что изменилось в этих местах. Здесь по-прежнему обитают сербы, как и мой отец, украинцы, поляки, итальянцы – диаспоры, которые придерживаются старых традиций и мрачно смотрят на жизнь.

У конечной автобусной остановки мы попадаем в пятничный затор. Старая многоместная колымага, урча внутренностями, извергает ядовитые газы, но и на ней предвыборный плакат. Реймонд Хорган смотрит на нас с двухметровой высоты со скучающим выражением гостя на очередной теледискуссии или рекламщика кошачьих консервов. Но как ни крути, Реймонд Хорган – мое прошлое и мое будущее. Я провел с ним двенадцать лет и все эти годы служил

ему верой и правдой. Сейчас я являюсь его заместителем, и его падение означает, что я тоже вылечу с работы.

Однако преданность и преклонение не могут заглушить шепоток недовольства: у внутреннего голоса свои законы. И этот внутренний голос говорит: «Эх ты, дурачина!»

Когда мы свернули на Третью улицу, я увидел, что похороны подняли на ноги все полицейское управление в городе. Половина припаркованных автомобилей – черные с белыми полосами, а по тротуарам парами и по трое прохаживаются легавые. От убийства прокурора до убийства полицейского один шаг. При всех ведомственных разногласиях у Кэролайн было много добрых знакомых в управлении. У хорошего прокурора всегда хорошие отношения с полицией, потому что он ценит ее работу и следит за тем, чтобы в суде она сыграла отведенную ей роль. Кроме того, Кэролайн была красивой энергичной женщиной. Народ знал, как она любила компании.

Ближе к церкви улица запружена автомобилями. Каждые два-три метра мы останавливаемся и ждем, пока из передних машин не вылезут пассажиры. Важные шишки в лимузинах со служебными номерами и газетчики загораживают дорогу, не обращая ни на кого внимания. Народ с радио вообще не признает никаких правил – ни дорожного движения, ни элементарной вежливости. Какой-то микроавтобус с антенной на крыше припарковался у самых дверей церкви. Репортеры шныряют в толпе и суют микрофоны под нос каждому официальному лицу. Можно подумать, что мы на чемпионате по боксу, а не на похоронах.

– Потом, потом, – отмахивается Реймонд, проталкиваясь сквозь толпу журналистской братии, обступившей нас, как только мы вылезли из машины. Он добавляет, что в прощальной речи сделает несколько заявлений, которые потом повторит, выйдя из церкви. На минут-другую он останавливается поприветствовать Стэнли Розенберга с третьего канала. Именно Стэнли, как обычно, будет дано первое интервью.

Меня подзывает Пол Драй из администрации мэра. Городской голова желает переговорить с Реймондом перед панихидой. Я передаю пожелание Хоргану, тот делает гримасу, совершенно надменную, поскольку Пол прекрасно все видит, и они оба скрываются в полутьме готического собора.

Наш мэр Огастин Болкарро – сущий тиран. Десять лет назад Реймонд, будучи в зените популярности, чуть было не спихнул его с кресла, но проиграл первичные выборы и потом не уставал демонстрировать победителю верноподданнические чувства. Но у Болкарро до сих пор болят «старые раны». Теперь, когда у Реймонда появился серьезный противник, Болкарро заявил, что его партийный долг требует не поддерживать ни того ни другого. Он, естественно, радуется, видя, как барахтается Хорган, стараясь выплыть из пучины проблем. Если Реймонд доберется до заветного берега, Оги первым заявит, что он с самого начала знал: победа будет за ним.

Почти все скамьи в церкви уже заняты. Катафалк обложен лилиями и белыми георгинами, в воздухе, несмотря на столпотворение, чувствуется легкий цветочный запах. Я пробираюсь вдоль рядов, кивая и пожимая руки знакомым. Народ собрался важный: видные политики города и округа, большинство судей, светила адвокатуры. Присутствуют также члены левых и феминистских организаций, с которыми иногда сотрудничала Кэролайн. Люди тихо переговариваются. На лицах – выражение печали от утраты.

Я наталкиваюсь на делла Гуарди.

– Нико! – говорю я и пожимаю ему руку. В петлице у него цветок – он завел эту привычку, выдвинув свою кандидатуру на пост окружного прокурора. Он осведомляется о здоровье моей жены и сына, но ответа не ждет, а принимает торжественно-трагический вид.

– Она была просто... – он делает жест рукой, подыскивая слово.

Я вижу, что кандидат сейчас ударится в лирику, и перебиваю его.

– Она была великолепна, – говорю я и сам удивляюсь теплоте чувству, внезапно нахлынувшему из глубины души.

– Вот именно, великолепна. Это ты хорошо сказал. – По лицу Нико пробегают тени. Это означает, что ему в голову пришла дельная мысль. – Реймонд, наверное, носом землю роет, занимаясь этим делом.

– Реймонд Хорган всегда носом землю роет. Ты сам знаешь.

– Вот как? А я-то думал, что у тебя нет политических пристрастий. Начитался речей, написанных для хозяина?

– Во всяком случае, его речи лучше твоих, Делягарди.

Нико получил эту кличку во времена нашей прокурорской молодости, когда он, расталкивая всех локтями, полез наверх.

– Деляга... – протянул тогда Джон Уайт, наш окружной, и, помедлив, добавил: – ...рди.

Так оно и пошло: делла Гуарди, Делягарди.

– Надеюсь, ты на меня не сердишься? Я правда верю в то, что говорю. Эффективный надзор за соблюдением законов начинается сверху. А Реймонд сдал – устал, что ли. Ему не хватает страсти и настойчивости.

Я познакомился с Нико двенадцать лет назад, в первый же день моей службы в прокуратуре. Нам отвели один кабинет на двоих. Через одиннадцать лет я стал заместителем окружного, а Нико заведовал отделом по борьбе с убийствами, и я его уволил. Он решил преследовать одного врача, делающего аборт, и обвинил его в убийстве. С точки зрения законности его позиция была более чем шаткой, и я его уволил, но дело всколыхнуло определенные группы населения, на чью поддержку он рассчитывал. Нико тискал статеечки, где освещал свои разногласия с Реймондом, и всегда заботился о том, чтобы его выступления в суде, которые больше смахивали на предвыборные речи, попадали в печать. Реймонд оставил решение о Нико за мной. И вот однажды утром я отправился в магазин спортивных товаров, купил пару самых дешевых кроссовок и оставил их на столе у Нико с запиской: «Прощай. Желаю удачи. Расти».

Нико делла Гуарди словно рожден для предвыборных кампаний. Сейчас ему около сорока, но выглядит он моложаво. Человек среднего роста, всегда аккуратно подстрижен и чисто выбрит; заботясь о форме, ест только отварную говядину и овощи. Правда, кожа у него нездоровая, с каким-то зеленоватым оттенком, что особенно подчеркивается рыжеватыми волосами и светлыми глазами. Этот недостаток не фиксируется ни фото-, ни телекамерой, не замечен и в судебном зале, потому Нико считают красивым мужчиной. Одевается он соответственно. Костюмы всегда шьет на заказ, и ему плевать, что на портного уходит половина жалованья.

Но более всего бросается в глаза навязчивая и, разумеется, наигранная откровенность, которую Нико демонстрирует даже здесь, в похоронной тишине, обсуждая с помощником оппонента предвыборную платформу. За двенадцать лет, включая те два года, когда мы сидели в одной комнате, я научился распознавать его способность подавать себя и давить на других с нахальной самоуверенностью. В тот день, когда я его уволил, он прошествовал мимо моего кабинета, сияя, как начищенный четвертак, и бросил на прощание: «Я скоро вернусь».

– Ты меня не агитируй, Делягарди. Я уже обещал Реймонду, что проголосую за него.

До Нико не сразу доходит смысл шутки, но и когда это наконец происходит, он продолжает разглагольствовать. Нико признает, что у него маловато денег, но утверждает, что молчаливая поддержка архиепископа приносит ему «моральный капитал».

– Это придает нам силы. Я наберу нужное количество голосов, ей-богу наберу. Народ позабудет, почему он голосовал за Реймонда – «Гражданские права». От него останется одно воспоминание, причем не самое приятное. А у меня четкая понятная платформа. – Когда Нико говорит о себе, он сияет от самоуверенности. – Знаешь, что меня тревожило? Знаешь, кого трудно было бы победить? – Он подвигается ко мне поближе и понижает голос: – Тебя!

Я смеюсь, но Нико продолжает:

– Хочешь знать правду? У меня от сердца отлегло, когда Реймонд заявил, что выдвигает свою кандидатуру. А то мне уже казалось, что Хорган вот-вот созовет большую пресс-конференцию, объявит, что уходит, но попросил Расти Сэбича продолжить его дело. СМИ в восторге. Профессиональный прокурор, зрелый и принципиальный. В политику не ввязывается. Человек, на которого можно положиться, тот, кто разоблачил «Ночных ангелов». Реймонд обеспечивает поддержку мэра. Все разыгрывается как по нотам. Да, с тобой было бы трудно справиться.

– Придумаешь тоже, – бормочу я, мужественно делая вид, будто подобный сценарий десятки раз в этом году не будоражил мое воображение. – Нет, ты все-таки штучка. Работаешь по принципу «разделяй и властвуй». Верно говорят: горбатого только могила исправит.

– Правда, друг, я восхищаюсь тобой и злых чувств не питаю. – Нико дотрагивается до воротничка. – Я не все поменяю, когда попаду в прокуратуру. Ты по-прежнему будешь заместителем окружного.

Я любезно советую ему не молоть чепуху.

– Не видать тебе кресла окружного как своих ушей. А если все же в него сядешь, в замы возьмешь Томми Мольто. Он давно переметнулся на твою сторону.

Томми Мольто – закадычный дружок Нико, его бывший заместитель по убийному отделу. Вот уже три дня, как он не показывается на работе и даже не звонит. Наши считают, что, когда шумиха вокруг убийства Кэролайн поутихнет, Нико созовет журналистскую братию и объявит, что Томми Мольто вошел в его команду по предвыборной кампании. Газеты запестрят заголовками: «Разочаровавшись в Хоргане, прокурор поддерживает Нико». Делягарди умеет обдeldывать делишки. Реймонда буквально трясет, когда он слышит имя Томми.

– Мольто? – переспрашивает Нико. Его наигранное удивление неубедительно. Я не успеваю ничего сказать – священник с аналоя приглашает присутствующих занять места.

Я с ухмылкой прощаюсь с Нико и начинаю пробиваться вперед, где нам с Реймондом как должностным лицам отведены особые места. Я все еще чувствую влияние мощного излучения самоуверенности моего коллеги: как будто с палящего солнца вошел в прохладную тень – кожу покалывает и к ней больно прикоснуться. Вот и серебристый гроб. И тут вдруг меня посещает мысль, что Нико на самом деле может выиграть выборы. Это опять внутренний голос, негромкий, однако достаточно отчетливо говорящий то, чего я не желаю слышать. Ничтожного профана Нико, жалкую душонку, что-то толкает к триумфу. И рядом с мертвой женщиной я чувствую неумную энергию этого человека. Куда она его заведет?

Как и положено на таких церемониях, по обе стороны гроба Кэролайн расставлены в два ряда складные стулья, на которых восседают местные знаменитости. Единственная незнакомая фигура – юноша лет восемнадцати. Его усадили рядом с мэром. Плохо подстриженная шапка русых волос и туго завязанный галстук, так туго, что кончики воротника его рубашки из искусственного шелка топорщатся. Двоюродный брат, думаю я, или племянник, но явно родственник, один из тех, кто живет на Восточном побережье, откуда Кэролайн давно сбежала. Соседние стулья все заняты людьми из мэрии, и для меня нет места. Я прохожу дальше, и когда оказываюсь позади Реймонда, тот, заметив мой разговор с Нико делла Гуарди, оборачивается и спрашивает:

– Что там Делягарди говорил?

– Так, всякую чепуху молол. Сказал, что ему денег не хватает.

– А кому их хватает?

Я, в свою очередь, спрашиваю, чем закончилась встреча с мэром. Реймонд закатывает глаза:

– Ему, видите ли, приспичило дать мне совет, и обязательно по секрету, чтобы не подумали, будто он принял чью-то сторону. Поведал, что мои шансы повысятся, если мы арестуем

убийцу до выборов. Веришь? Как будто мы без него этого не знаем! И все это с таким серьезным видом... Глянь на его скорбную морду. Главный плакальщик.

Говоря о Болкарро, Реймонд не может удержаться, чтобы не съязвить. Я украдкой оглядываюсь, не слышат ли нас, потом киваю в сторону незнакомого юноши:

– Кто этот парень?

Мне кажется, что я не верно разобрал ответ Реймонда, даже наклоняюсь к нему ниже. Он говорит мне в самое ухо:

– Ее сын. – Я выпрямляюсь, а Реймонд продолжает. – Живет с отцом в Нью-Джерси. Приехал сюда учиться в колледж при нашем университете.

От удивления я откидываюсь назад, бормочу что-то нечленораздельное и бреду к единственному свободному стулу на самом краю, между двумя цветочными сооружениями на подставках. Я сажусь. Шок, кажется, проходит, но в этот момент над самой моей головой раздаются могучие и торжественно-тягучие органные аккорды. Священник произносит первые слова, и меня снова охватывает изумление, к которому примешивается горечь обиды и невыразимой печали. Я ничего не знал. Непостижимо, как она могла скрывать такой факт своей биографии. Я давно догадывался, что Кэролайн была замужем, но о сыне она не проронила ни слова, хотя он находился совсем близко.

Я с трудом подавляю желание уйти, выбраться из этой театральной полутьмы на чистый отрезвляющий свет. Усилием воли я заставляю себя остаться.

После коротких выступлений преподобного мистера Хиллера и Риты Уорт из Коллегии женщин-адвокатов на подиуме появляется Реймонд Хорган. Стихает шепот, присутствующие замирают, наступает ответственная минута. Прокатившаяся по рядам волна ожидания заставляет меня очнуться от моих тяжелых дум. У Реймонда-политика масса недостатков, но он превосходный общественный деятель, оратор – словом, величина. Полнеющий и лысеющий, он стоит на возвышении в своем дорогом темно-синем костюме и, как маяк, посылает сигналы силы и скорби.

Его речь изобилует байками. Он рассказывает, как нанимал Кэролайн, несмотря на возражения матерых прокуроров, которые считали, что те, кто осуществляет судебный надзор, простые социальные работники. Хвалит ее твердость и смелость. Вспоминает выигранные ею дела и как она своими аргументами клала на обе лопатки защитников и судей. Ей доставляло удовольствие нарушать устаревшие правила. В устах Реймонда эти бесхитростные рассказы проникнуты какой-то особой душевностью и сладкой грустью.

Я, однако, еще не оправился от шока, пережитого несколько минут назад. Я чувствую, как обида, удивление, пронзительная проникновенность Реймондовых слов, моя глубокая, моя невыразимая печаль доходят до предела, и отчаянно пытаюсь сохранить самообладание. Я уговариваю себя не ехать на погребение. У меня куча работы, а прокуратура и без меня представлена Реймондом. Секретарши, стенографистки и прочие наши пожилые дамы, которые всегда недолюбливали Кэролайн за заносчивость, а теперь плачут у ее гроба, будут тесниться у края могилы, рыдая над концом еще одной жизни. Пусть они и смотрят, как Кэролайн зарывают в землю.

Реймонд закончил говорить и идет на свое место. Его выступление всколыхнуло аудиторию.

Я не слушаю слов священника, потому что решил – еду в контору. Как и велел Реймонд, снова примусь за розыск убийцы Кэролайн. Никто не посетует на мое отсутствие на кладбище, и менее всех сама Кэролайн. Я уже отдал ей все почести. Слишком много почестей, сказала бы она. Я уже оплакал Кэролайн Полимус.

Глава 2

В прокуратуре всех словно смыло цунами. Залы заседаний пусты. То тут, то там надоедливо звонят телефоны. Две дежурные секретарши бегают по коридорам, отвечая на звонки.

Даже в лучшие времена помещение прокуратуры округа Киндл имеет мрачный вид. Большинство прокуроров сидят в комнатах по двое. Муниципальное здание округа возведено в 1897 году в новом, только зарождающемся тогда стиле. Массивная коробка из красного кирпича, украшенная по фасаду несколькими дорическими колоннами, – дабы народ знал, что входит в общественное учреждение. Над каждой дверью внутри – застекленный квадрат, окна двустворчатые, стандартные. Стены выкрашены в больничный зеленый цвет. Хуже всего освещение: с ламп словно струится какая-то тягучая желтая жидкость. Две сотни замотанных людей бьются здесь над преступлениями, которые совершаются в городе с миллионным населением и в округе, где проживают еще два миллиона. Летом мы задыхаемся в тропической жаре под дребезжание стекол старых окон и непрерывные телефонные звонки. Зимой безостановочно гудят и шипят радиаторы и даже днем над нами нависает зловеющая полутьма. В таких вот условиях вершится правосудие на Среднем Западе.

В моем кабинете, запершись, как злодей в вестерне, меня поджидает Липранцер.

– Как там? Все живы? – спрашивает.

Я что-то отвечаю, бросаю пальто на стул и обращаюсь к нему:

– Ты-то почему не пришел? Все ваши были, у кого пять годков набежало.

– Не охотник я до похорон, – сухо отвечает Липранцер.

«Легавам из убойного отдела трупы и без того надоели», – не сразу приходит мне в голову.

На столе у меня записка от Лидии Макдугал, заместителя окружного прокурора по административно-хозяйственной части, и конверт из полиции. В записке от Лидии всего три слова: «Где Томми Мольто?» Несмотря на политические игры, мы не должны игнорировать очевидное: надо побывать у Томми дома и обзвонить больницы. Достаточно нам одного мертвого прокурора. О Кэралайн конверт из полиции, на нем напечатано: «Преступник – неизвестен. Жертва – К. Полимус».

– Ты знал, что у нее есть сын? – спрашиваю я, выискивая глазами канцелярский нож, чтобы вскрыть конверт.

– Ни хрена себе! – изумляется Лип.

– Парень лет восемнадцати – двадцати. Он, конечно, был на панихиде.

– Ни хрена себе, – повторяет Лип, разглядывая свою сигарету. – А еще говорят, что хоть на похоронах жизнь не преподносит нам сюрпризов.

– Кто-то из нас должен поговорить с этим парнем. Он в нашем университете учится.

– Давай адрес, я поговорю. Морано знай одно талдычит: «Все, что пожелает команда Хоргана».

Морано – начальник городской полиции, союзник Болкарро, а сам ждет не дождется, когда Реймонд свалится.

– Как и Нико. Кстати, я его сегодня встретил. Он уверен, что победит Реймонда. Чуть меня не сагитировал.

– Он добьется большего, чем думают. А ты будешь локти себе кусать, жалея, что сам не баллотировался.

Я делаю гримасу: будь что будет. Мы с Липом понимаем друг друга.

На пятнадцатую годовщину окончания колледжа мне прислали анкету с массой трудных вопросов личного характера: кем из современных американцев вы восхищаетесь больше всего? Что самое ценное в вашем имуществе? Кто ваш лучший друг? Назовите и опишите его. Я поду-

мал-подумал и написал про Липранцера: «Мой лучший друг – полицейский. Он коротышка, ростом пять футов восемь дюймов, и после еды весит всего двадцать фунтов. Стильная прическа и настороженно-недоброжелательный вид, как у уличной шпаны. Выкуривает две пачки „Кэмела“ в день. Не знаю, что у нас общего, но я от него в восторге. К тому же он хорошо делает свою работу».

Я познакомился с Липом лет семь-восемь назад, когда меня назначили в отдел по борьбе с хулиганством, а он только что пришел в убойный отдел. С тех пор мы раскрутили добрую дюжину дел, но во многом он остается для меня загадкой и даже представляет опасность. Его отец был начальником смены в полицейском участке на Западной стороне, и когда он умер, Лип занял его место по праву как бы служебного первородства. Теперь его назначили в прокуратуру со специальным заданием. Официально он должен координировать действия полиции и прокуратуры при расследовании особо громких убийств. На деле же он сам принимает в этом самое деятельное участие. Его непосредственного начальника, капитана Шмидта, интересует только одно: чтобы к концу отчетного года он произвел шестнадцать арестов за убийства. Большую часть времени Лип проводит в забегаловках, выпивая с каждым, кто располагает интересной информацией: с бродягами, репортерами, гомосексуалистами, федеральными агентами – со всеми, кто может что-либо сообщить об уголовном мире. Лип – исследователь городского дна. В конце концов я понял, что его угрюмость объясняется переизбытком сведений о подполье.

Я все еще держу в руках конверт.

– Ну и что нам здесь прислали?

– Результаты вскрытия, третий лист и пачку фотографий убитой.

Третий лист – это вторая копия отчета полицейских, которые первыми прибыли на место происшествия, предназначается для прокуратуры. С этими полицейскими я уже говорил, поэтому сразу перехожу к заключению полицейского патологоанатома, доктора Кумачаи, странноватого японца, смахивающего на персонажей пропагандистских фильмов сороковых годов. Его зовут Мясликом и считают, что он приносит неудачу. Ни один обвинитель не вызовет его в качестве свидетеля, не сплюнув трижды перед этим через левое плечо.

– Она умерла от кровоизлияния в мозг. Ее ударили по голове чем-то тяжелым, только непонятно чем – так говорит этот япошка. По фоткам можно подумать, что ее еще и душили, но он утверждает, что в ее легких еще был воздух.

– Орудие убийства в квартире, конечно, искали?

– Вверх дном там все перевернули.

– Ничего не пропало? Ну, может, подсвечник не на месте или подставка для книг?

– Ни хрена. Я три раза разных ребят туда посылал.

– Получается, преступник знал, что жертву есть чем пристукнуть?

– Может быть. Или же с собой что-то притащил. Но не думаю, что он заранее готовился.

Похоже, стукнул ее, чтобы не кричала, и не сразу понял, что прикончил. Судя по тому, как были завязаны веревки, он придавил ее своим весом. Словно собирался насиловать до смерти.

– Удивительно, – говорю я.

– Еще бы не удивительно... Да, странный нам попался клиент.

Мы оба молчим.

– На теле ни ушибов, ни царапин, – говорит Лип. – Это означает, что жертва не сопротивлялась. Рана прямо на затылке. Выходит, он ее сзади ударил, а уж потом связал. Только странно, что он сразу ее прикончил. Чаще всего эти психи хотят, чтобы жертва видела их действия.

Я пожимаю плечами: действительно странно.

Кэролайн жила неподалеку от речного порта в здании бывшего склада, переделанного в жилой кооперативный дом с квартирами-студиями – открытыми просторными помещениями.

Свою квартиру она разгородила легкими китайскими ширмами и тяжелыми занавесями, стилизованными под античность и классицизм. Первое, что я достаю из конверта, – фотографии, четкие цветные отпечатки. Убили Кэролайн в гостиной. Вот общий вид помещения. Тяжелая стеклянная крышка кофейного столика сброшена с металлических ножек на пол, полукруглое креслице опрокинута. Но Лип прав: явных следов борьбы, которые остаются в таких случаях, нет. Только расплывшееся на ковре небольшое пятно крови.

Я никак не могу собраться с духом, чтобы посмотреть фотографию трупа.

– Что еще пишет Кумачаи?

– Пишет, как исследует то, что спустил этот подонок.

– Что спустил?

– Слушай, это интересно. – И Лип добросовестно, досконально пересказывает результаты анализа спермы преступника. Немного спермы вытекло из влагалища. Это означает, что после полового акта Кэролайн, хотя и недолго, была на ногах. Это еще одно доказательство того, что насилие и смерть приблизительно совпадают по времени.

Первого апреля она ушла из прокуратуры в восьмом часу. Кумачаи полагает, что смерть наступила около девяти.

– То есть за двенадцать часов до того, как нашли труп, – рассуждает Лип. – Японец говорит, что спустя это время под микроскопом еще можно увидеть, как в маточных трубах и в самой матке движутся сперматозоиды. Их он не увидел. Видимо, наш клиент не в состоянии делать детей. Это от свинки бывает.

– Выходит, мы разыскиваем насильника, который болел свинкой и бездетен?

Липранцер пожимает плечами:

– Он хочет послать сперму на химический анализ. Может, он что покажет.

Я представляю, как Кумачаи разглядывает химические формулы, и у меня вырывается легкий досадливый стон.

– Неужели мы не можем найти толкового патологоанатома?

Я листаю заключение доктора Кумачаи.

– Мазки взяли?

Люди различаются не только по группе крови, но и по тем веществам, которые выделяют их железы.

– А как же? – удивляется Лип, забирая у меня из рук заключение Кумачаи.

– Какая группа крови?

– Первая.

– У меня вот тоже первая.

– Я уж подумал об этом, – говорит Лип. – Но ты сделал ребенка. – Он зажигает сигарету и качает головой: – Я чего-то не улавливаю. Ни на что не похоже это поганое убийство. Не за что ухватиться.

И мы начинаем любимую сыщицкую игру: кто? как? почему? Первая версия Липранцера проста: Кэролайн прикончил один из тех, кого со скамьи подсудимых она послала за тюремную решетку. Затаенная, выношенная жажда мщения со стороны преступника, которого вы засадили, – худшей прокурорской фантазии не было и нет. В жизни все складывается иначе. Первое дело, которое мне поручили, было обвинение юноши Панчо Маркадо. В своей речи я поставил под сомнение мужское достоинство тех, кто, размахивая пистолетом, отнимает деньги у семидесятилетних стариков. Двухметровый, весивший килограммов сто Панчо бросился на меня с кулаками, но, к счастью, наткнулся на кресло Лидии Макдугал и был скручен полицейским и судебным приставом. Газеты начали высмеивать. Наша «Трибюн» на третьей полосе тиснула статейку под издевательским заголовком: «Женщина-инвалид спасает перепуганного прокурора». Барбара, моя жена, называет этот случай моим первым громким процессом.

Кэролайн приходилось работать с куда более странными субъектами. Несколько лет она возглавляла отдел по борьбе с изнасилованиями. Название дает представление о задачах подразделения – там занимались всеми видами сексуальных домогательств, включая развращение малолетних. Припоминаю, она разбирала дело мужского «любовного треугольника». Вспыхнула ссора, и одному из участников вставили электрическую лампочку в задний проход. Липранцер полагает, что с Кэролайн рассчитался один из педиков.

Мы договариваемся с ним просмотреть дела, которые вела Кэролайн, – нет ли среди них такого, которое напоминало бы преступление, совершенное трое суток назад. Я берусь просмотреть все записи в кабинете Кэролайн, а Липранцер изучит банк данных о нападениях на женщин, который пополняют правоохранительные органы штата, – не встретится ли там имя Кэролайн или изнасилования с применением веревок.

– Что еще мы имеем?

Липранцер начинает излагать: все соседи были опрошены в тот же день, но напрасно, поэтому ребятам из убийного отдела следует пройти по обитателям квартала, причем вечером, когда народ уже дома.

– Одна женщина, – Лип заглядывает в свою записную книжку, – миссис Крапотник, говорит, что видела на лестнице мужчину в плаще. Лицо вроде знакомое, но в их доме он не живет.

– Почему тянут в лаборатории волос и волокон? Они же первыми на месте были. Когда мы получим их заключение?

В задачу этих спецов входило пройти с пинцетом и особым пылесосом по трупу и по полу, чтобы собрать мельчайшие пылинки для анализа под микроскопом. Довольно часто они устанавливают личность преступника по волоскам с тела и головы и по волокнам с одежды.

– Не раньше чем дней через семь – десять. Но вот что интересно – много пыли с пола и всего несколько волосков. Ясно, что особой борьбы не было.

– Ну а отпечатки пальцев?

– На пальчики проверены все предметы в квартире.

– И крышка столика? – Я показываю Липу фотографию.

– Натурально.

– А давние отпечатки найдены?

– Ага.

– Чьи?

– Кэролайн Полимус.

– Великолепно.

– Ты особенно не горюй. – Он берет у меня карточку. – Видишь эту стойку? Этот высокий стакан? На нем и найдены старые отпечатки трех пальчиков. Не ее.

– Кому принадлежат, знаем?

– Пока нет. Эксперты обещают недельки через три – говорят, завалены работой.

Дактилоскопический отдел полицейского управления ведет учет всех и каждого, у кого были взяты отпечатки пальцев, классифицируя их по сравнительным признакам, то есть по гребешкам и бороздкам, образующим сложные узоры. Раньше установить личность удавалось лишь при наличии отпечатков всех десяти пальцев и после поиска в дактилоскопическом перечне. Теперь, в эпоху повсеместной компьютеризации, поиск осуществляет машина. Лазер считывает отпечаток и сравнивает со всеми другими, которые заложены в банк данных. Процесс занимает всего несколько минут, но из-за недостатка средств городская полиция не располагает всем необходимым оборудованием и в особых случаях вынуждена побираться в полицейском управлении штата.

– Я сказал им, чтобы поторопились, – продолжает Лип, – а они талдычат, что нет какого-то Зилога и вообще не справляются с заявками. Звонок из прокуратуры, может, их подтолкнет. Скажи, чтобы сравнили наши пальчики со снятыми по всему округу. – Я делаю заметку в

блокноте. – Кроме того, нам понадобятся данные УТП. – Не всякому известно, что телефонная компания с помощью компьютеров ведет регистрацию местных звонков по всем узлам города и округа – учет телефонных переговоров, то есть знает номера абонентов и тех, кому звонили.

Я тут же принимаюсь писать служебку о предоставлении следствию компьютерных распечаток со сведениями о телефонных переговорах.

– Попроси сообщить номера всех, кому она звонила в последние полгода.

– Полгода? Да они крик поднимут. Это ведь номеров двести, не меньше.

– Тех, кому она звонила три раза, – уточняет Лип.

Я думаю.

– Если брать полгода, ты, вероятно, найдешь и этот номер, – киваю я на телефон у меня на столе.

Лип смотрит мне в глаза и говорит:

– Я знаю.

«Знает он. Что он еще знает?» – думаю я. Люди строят догадки, сплетничают. От Липа, конечно, не ускользнули кое-какие вещи, которые не замечали другие. Сомневаюсь, чтобы он одобрял. Лип холост, но по бабам не шляется. Немолодая полячка, лет на десять старше его, вдова со взрослым сыном, готовит ему еду и спит с ним два-три раза в неделю. По телефону он говорит ей «мама».

– А ты знаешь, что Кэролайн всегда запирала двери и окна? – говорю я с завидным спокойствием. – При всей своей доверчивости она же взрослый человек. Знала, что живет в городе, а не на ранчо.

Глаза Липранцера приобретают металлический блеск. Он улавливает важный смысл того, что я говорю и почему не сказал раньше.

– Так ты считаешь, что кто-то специально открыл окна?

– Очень может быть.

– Что она кого-то пустила и он устроил так, чтобы это выглядело как взлом? – допытывается Лип.

– Вполне вероятно. Кто, как не ты, обратил мое внимание на стакан на стойке бара? У нее был гость. Возможно, это был кто-нибудь из условно освобожденных.

Лип разглядывает свою сигарету. Через раскрытую дверь я вижу, что возвратилась Евгения, моя секретарша. Из коридора слышатся голоса вернувшихся с похорон.

– Не обязательно освобожденный. Может, и подозреваемый, которого она должна была отправить за решетку. От Кэролайн всего можно ожидать. Представь, он звонит ей и говорит: «Мэм, давайте напоследок перепихнемся, а?» Думаешь, исключено, что она сказала: «Давайте»?

Я понимаю, что Лип имеет в виду. Женщина-прокурор, гроза преступников, совершает половой акт с обвиняемым и живет воспоминаниями о запретном плоде. Да, Лип неплохо ее изучил. Кэролайн Полимус не возражала бы, если бы какой-то мужик мотал срок долгие годы, думая о ней.

У меня возникает мучительное чувство.

– Ты ее не очень-то любил, правда, Лип?

– Не очень. – Мы смотрим друг на друга, потом он наклоняется вперед и хлопает меня по колену. – Но по крайней мере мы точно знаем: в мужиках она плохо разбиралась.

Это заключительная ремарка Липа. Он засовывает пачку «Кэмела» в карман куртки и уходит. Я кричу Евгении, чтобы она никого ко мне не пускала. Оставшись один, я могу просмотреть фотографии, но через минуту осознаю, что думаю только о себе. Надо взять себя в руки. В конце концов, это моя работа.

Ничего не получается: по телу разливается приятная слабость, как после хорошего глотка спиртного. На верхней фотографии – сброшенная на пол крышка кофейного столика, прида-

вившая Кэролайн плечо. Потом крышку уберут. И вот я вижу ее тело, застывшее в мучительной позе, удивительно гибкое, но все равно сильное. Длинные стройные ноги, большие высокие груди – даже мертвая она выглядит сексуально. Я стряхиваю с себя наваждение, ибо то, что изображено на фотографии, – ужасно. Темно-красные ссадины на лице и шее, щиколотки, связанные веревкой. Той же веревкой схвачены колени, живот, запястья. Потом веревку сильно затянули на горле, потому что на шее виден багровый след. Голова мучительно запрокинута, мертвенно-бледное лицо, огромные, вылезающие из орбит глаза и рот, застывший в молчаливом крике. Выражение глаз – отчаянное, безумное, такое же, как у рыб, выброшенных на берег. Я смотрю на нее, объятый страхом, и ничего не понимаю. Потом неожиданно в глубине моего существа рождается что-то похожее на чувство удовлетворения, и никакие укоры, никакие обвинения в низости не заглушают это чувство. Кэролайн Полимус, образец женственности и стойкости, словно смотрит на меня, смотрит так, как никогда в жизни не смотрела. Наконец-то я все понял – она хочет, чтобы я нашел убийцу.

Глава 3

Когда жизнь вошла в свою колею, я решил посетить психиатра. Его зовут Робинсон.

– Интереснейшая женщина, – сказал я. – Таких я раньше не встречал.

– Сексуальна? – спросил он, помедлив.

– Да, очень сексуальна. И красива. Выющиеся белокурые волосы, высокая грудь, но бедра узкие, длинные наманикюренные ногти. Да, сексуальна, даже чересчур. На такую женщину нельзя не обратить внимания. Вот я и обратил. Она у нас в прокуратуре много лет работала. Перед тем как поступила в юридическое училище, осуществляла надзор за условно освобожденными. Поначалу я так и думал: перспективный сотрудник, симпатичная блондинка с роскошным бюстом. Любой полицейский, приходящий к нам, глаза от удовольствия закатывает, как будто ему массаж делают. Вот, собственно, и все.

Но прошло какое-то время, и о ней заговорили. Она еще в районных судах подвизалась. Что говорили? Способная, энергичная. Потом она встречалась с парнем с третьего канала. Его Чет звали, фамилию не помню. Работала в Ассоциации юристов, занимала какой-то пост в местном отделении Национальной организации женщин. Сама напросилась в секцию по борьбе с изнасилованиями, поганая там работенка. Долгие собеседования с жертвой и задержанным: он говорит, что сама легла, а она – силой взял. Попробуй определи здесь виновного. В конце концов Реймонд отдал ей все дела по изнасилованиям, всегда посылал ее на воскресные телебеседы, демонстрируя тем самым, что он не забывает о так называемом «женском вопросе». А она любила свет юпитеров¹ и с честью несла знамя правосудия. Хорошим была прокурором, надо отдать должное. Твердая, настойчивая. Помню, адвокаты всегда жаловались, что она чересчур круто берет. Но полиции это нравилось. А мне не очень. Считал, что она переигрывает. Что слишком горяча и самоуверенна, слишком заносится. Она вообще не знала чувства меры.

– И тем не менее, – проговорил Робинсон, – вы в нее влюбились.

Я умолк. Разве словами выразишь то, что было.

– Да, я в нее влюбился.

Однажды расследовалось сложное дело, и Реймонд решил, что одной ей не справиться. Она попросила, чтобы я ей помог. Это было в прошлом году, в сентябре.

– Вы могли отказаться?

– Да. Заместитель окружного не обязан вести дела. Я действительно мог сказать «нет».

– Но сказали?..

– Но сказал «да». Уж очень интересный и необычный случай, уговаривал я себя.

Деррил Макгафен был управляющим банком в районе Маккрери, которым владел его брат Джой – гангстер, преступный авторитет, любящий покрасоваться. Джою нравилось, что он желанная добыча всех правоохранительных органов. Он отмывал в банке грязные деньги, что текли ему в руки. Сам Деррил не высовывался и безукоризненно вел банковскую документацию. Человек скромный – типичный обыватель, он жил неподалеку от Маккрери, был женат. Потом у него случилась трагедия. Его первый ребенок, девочка, погиб в трехлетнем возрасте. Я узнал об этом на суде, когда Джой давал свидетельские показания Большому жюри, которое решает вопрос о предании подозреваемого суду, о том, как малышка упала с веранды на втором этаже дома его брата и разбилась насмерть. Он был убит горем, совершенно потерял рассудок и не заметил, что акции одной компании, которые продали банку четверо незнакомых субъектов, оказались, к его великому сожалению, краденными. Джой говорил убедительно, ломая руки и прикладывая шелковый платок к глазам.

¹ Мощный осветительный прибор, применяемый при киносъемках.

У Деррила и его жены был еще один ребенок, мальчик по имени Вендел. Однажды мать привезла пятилетнего сына в приемное отделение городской больницы на Западной стороне. Малыш был без сознания, мать билась в истерике. Ее сыночек упал и сильно расшиб голову. С ним такое впервые, утверждала она. Но дежурный врач, молодая индианка доктор Нараджи, вспомнила, что год назад уже лечила этого мальчика. Когда принесли медицинскую карту, она увидела, что маленький пациент был у нее дважды: один раз со сломанной ключицей, другой – со сломанной рукой. Два перелома, и оба раза в результате падения, как говорила его мать. Доктор Нараджи тщательно обследовала ребенка и пришла к выводу, как она потом показывала на суде, что раны слишком правильной формы: два дюйма в длину и дюйм в ширину – и расположены чересчур симметрично по обе стороны головы. Она повторила осмотр и в конце концов позвонила в прокуратуру и поделилась с Кэролайн Полимус подозрениями.

Кэролайн немедленно вытребовала ордер на обыск, и в подвале дома Макгафена были обнаружены тиски с прилипшими к ним волосками и частицами кожи. Голову малыша зажимали в тиски. Его еще раз осмотрели. По затянувшимся ранкам на ягодицах врачи установили, что ему прижигали сигаретами задний проход. Маленькому пациенту был назначен курс интенсивного лечения, и он выжил.

К этому времени малыш уже находился под охраной, а помещение прокуратуры напоминало осажденную крепость. Деррил Макгафен первым встал на защиту своей супруги. Его жена – любящая и заботливая мать. Это чистое безумие – предполагать, что она могла причинить вред ребенку. Он сам видел, как мальчик упал. Просто врачи и юристы сговорились отнять у несчастного отца сына. Душесипательное зрелище было хорошо подготовлено. К тому моменту, когда его брат приехал в суд, Джой устроил так, что у входа уже собралась толпа и были установлены телекамеры.

Сначала Реймонд хотел сам вести это дело, но набирала силу предвыборная кампания, и он передал его мне. Кэролайн нужен был надежный напарник-наставник, поскольку пресса подняла шумиху. Она попросила назначить меня. Я дал согласие. «Делаю это ради Реймонда», – говорил я себе.

У физиков есть понятие «броуновское движение», обозначающее беспорядочное перемещение и столкновение мельчайших частиц, взвешенных в жидкости или газе. Это движение вызывает тонкие шумы, находящиеся за пределами слышимости человеческого уха. В детстве я мог улавливать молекулярные звуки и при желании как бы отключать их, но время от времени моя воля ослабевала и звон в ушах возрастал до ужасающего рева.

В период полового созревания косточки внутреннего уха твердеют, и, вероятно, поэтому шумы броуновского движения уже не слышны. Да это и хорошо – в жизни появляются другие интересы. После женитьбы на Барбаре прелести других женщин воспринимались мною как обычный дневной гул, который не замечаешь. Но когда я начал работать с Кэролайн, в дневном гуле появились иные нотки – послышалась *мелодия*.

– И я не знаю, почему это произошло, – говорю я Робинсону.

Я считаю себя человеком морально устойчивым и потому всегда презирал отца за его распутство. По вечерам в пятницу он, как блудливый кот, уходил из дому, шел в какую-нибудь забегаловку, а оттуда в «Деланси» на Западной авеню, скорее ночлежку, нежели гостиницу. Одни протертые до основания ковры на лестничных ступенях чего стоили... Там он мог предаться своей страсти с очередной женщиной легкого поведения, будь то дешевка из бара, истосковавшаяся по мужчине разведенка или замужняя дамочка в поисках острых ощущений. Перед уходом он ужинал со мной и мамой, и мы знали, куда он направляется. За столом отец даже пытался напевать что-то.

Мы работали с Кэролайн, и она стала мне нравиться. Нравилась ее украшения и легкий аромат духов, покрашенные губы и наманикюренные ногти, полупрозрачные шелковые блузки

и волна русых волос, высокая грудь и длинные ноги. Постепенно я начал возбуждаться от похожего запаха от какой-нибудь другой женщины, просто проходившей мимо.

– И я не знаю, почему это произошло. Поэтому и пришел к вам. Я словно слышу что-то. Мы разговаривали с ней о суде, о жизни – обо всем. Я удивлялся тому, как гармонично сочетались в ней самые разные вещи. Женщина-симфония. Яркая дисциплинированная личность. И этот музыкальный смех, эти великолепные зубы. Она схватывала все на лету и была очень остроумной.

Меня особенно поражали ее неожиданные и быстрые замечания и ее сияющие глаза из-под подведенных бровей и затененных век. Она знала, что права. О чем бы ни заходила речь – о политике, свидетельских показаниях или делах в полиции, – она всем своим видом говорила, что в курсе всего происходящего. Как приятно встретить женщину, которая владеет информацией, энергично идет по жизни и так разносторонне развита. Полная противоположность Барбаре, не обладавшей ни одним из этих качеств.

– Такая вот она, эта женщина, – смелая, красивая, словно излучающая свет, – пользуется всеобщим вниманием. У нее свой кабинет, что само по себе чудо в нашем тесноватом и мрачноватом здании. Свое рабочее место она украсила цветами, небольшим восточным ковром, старинным книжным шкафом и письменным столом в стиле ампира. Иду к ней, хотя у меня нет никакого дела, иду как в лихорадке, охваченный жаром, и думаю: «Господи Иисусе, этого не может быть». Может быть, этого и не было бы, если бы я не начал замечать, что она обращает на меня внимание. Что она смотрит на меня. Понимаю, это мальчишество. И тем не менее я чувствую ее взгляды. Люди редко смотрят друг на друга.

Мы допрашиваем свидетеля, и боковым зрением я вижу, что Кэролайн со спокойной сочувственной улыбкой смотрит на меня. Или на совещании руководства у Реймонда – я поднимаю голову и вижу ее устремленные на меня глаза. Она смотрит так пристально, что я не могу не подмигнуть или не улыбнуться в ответ. Лицо ее остается непроницаемым, лишь легкая улыбка краешком рта. Мысли мои разлетаются, как стая перепуганных птиц, и я умолкаю. В целом мире остается только она, Кэролайн.

Она полностью владела моими чувствами. Это было нестерпимо. Встаю под душ, еду на автомобиле, перебираю бумаги – и всегда вижу ее, веду с ней нескончаемые мысленные разговоры. Как будто смотрю многосерийный фильм. Я вслушиваюсь в свое бешено бьющееся сердце и стараюсь побороть наваждение. Убеждаю себя, что ничего страшного не случилось, что это всего лишь эпизод моей жизни, что завтра проснусь – и все пройдет.

Но ничего не помогает. Когда она рядом, меня охватывает сладостное чувство ожидания и предвкушения чего-то. У меня перехватывает дыхание и кружится голова. От нервного напряжения я слишком много и слишком громко смеюсь. Чего только не делаю, чтобы быть около нее. Она сидит за столом, я нагибаюсь, чтобы передать какой-то документ, а сам люблюсь ее золотыми сережками и шеей, когда откинута голова, и впадаю в отчаяние, и сгораю со стыда. Безумство, сумасшествие! Где мой привычный мир? Я покидаю его! Меня там больше нет.

Глава 4

Даже в полутьме над кроватью моего сына можно различить фигуру Человека-паука. Изображенный на плакате в человеческий рост, он стоит в позе борца, готовый отразить нападение врагов.

Я в детстве не читал комиксов: это считалось слишком легкомысленным занятием в семье, где я рос. Но когда Нату исполнилось два с половиной года, мы начали каждое воскресенье вместе рассматривать забавные картинки. Барбара еще спала, я готовил сынишке завтрак, и потом мы садились рядышком на диване и обсуждали очередную серию. Вся неуемная энергия, присущая маленькому существу, пропадала, и Нат уносился в страну фантазии. Сейчас он во втором классе, становится самостоятельным и читает комиксы один. А я должен выждать удобного момента, чтобы незаметно от жены и сына узнать, что же случилось с Питером Паркером. Они действительно смешные, сказал я Барбаре пару недель назад, когда она застала меня с комиксом в руках. «До того смешные, что разрыдаешься», – буркнула моя жена, без пяти минут кандидат наук.

Я дотрагиваюсь до головы Ната, слегка ворошу его тонкие волосы. Если я долго не отнимаю руки, он, привыкший к моим поздним приходам, обычно просыпается и бормочет что-то приятное. Каждый раз, возвращаясь домой, я прежде всего захожу к нему в комнату. Почти физически я ощущаю потребность таким образом успокоиться, прийти в себя.

Мы переехали сюда, в Ниринг, незадолго до рождения Ната. Раньше здесь располагался паромный причал, но горожане так давно стали селиться здесь, что район перестал считаться окраиной. Поначалу Барбара одобрила переезд, однако сейчас была бы рада уехать отсюда – говорит, что тут ей одиноко. Мне не нравится жить вдали от центра города, вдалеке от того, что я вижу каждый день. И я рад, что Человек-паук тоже нашел здесь свое место. Он как бы стоит на страже нашего дома, и это утешает.

Полураздетая Барбара лежит на кровати, уткнувшись лицом в покрывало. Дышит она с трудом, на тонкой шее поблескивают капельки пота.

– Занимаешься физкультурой? – спрашиваю я.

– Нет, мастурбирую. Единственное утешение брошенной жены, – отвечает она не оборачиваясь.

Я наклоняюсь и чмокаю ее в шею.

– Я звонил с остановки, когда опоздал на автобус в восемь тридцать пять. Тебя не было дома. Отрапортовал автоответчику.

– Послушала я твой рапорт, – говорит Барбара. – Я ходила за Натом. Он у мамы ужинал. Хотела выкроить время, чтобы придумать общую композицию диссертации.

– Продуктивно поработала?

– Куда там.

Она переворачивается на спину, потом снова на живот. На ней спортивный бюстгальтер.

Раздеваясь, я выслушиваю доклад Барбары о том, что произошло за день. Заболел сосед. Пришел счет от механика. Что нового у мамы. Я не вникаю. Барбара излагает информацию усталым тоном, не поднимая головы. Так она демонстрирует свое дурное настроение; я же стараюсь остановить это самым простым способом – делаю вид, что ничего не замечаю. Я то и дело переспрашиваю, словно меня интересует каждая подробность, каждая мелочь. И все это время во мне нарастает внутреннее напряжение – кажется, будто тебе в вены влили расплавленный свинец. Я – дома.

Лет пять назад, когда я думал, что у нас появится второй ребенок, Барбара объявила, что собирается вернуться в университет, чтобы подготовить кандидатскую диссертацию по математике. Она уже подала заявление и прошла вступительные экзамены, не сказав мне ни слова.

Новость удивила меня, и мое удивление она приняла за неодобрение, как я ни старался убедить ее в обратном. Я никогда не считал, что она должна быть прикована к дому. Меня удивило другое – не то, что она поступила так, не посоветовавшись со мной, а то, что я сам не догадался об этом. В колледже Барбара слыла гением математики, всегда побеждала в викторинах. Ей даже доверили вести занятия с небольшими группами выпускников наравне с седовласыми профессорами. Но тогда Барбара не кичилась своими способностями. Теперь оказалось, что без математики она жить не может, что математика – ее призвание. Об этом я лет десять от нее не слышал.

Так Барбара принялась за диссертацию. В самом начале она говорила, что такую тему, как у нее, можно изложить страницах на десяти – двенадцати, но работа над диссертацией тянется вот уже много лет, точно болезнь у хроника, и является еще одной причиной мучительной меланхолии моей жены. Проходя мимо кабинета, я всякий раз вижу, как Барбара сидит за столом и жалостно смотрит на единственную маленькую вишню, не сумевшую вырасти на суглинистой почве нашего заднего двора.

В ожидании вдохновения Барбара принялась читать, но не газеты и журналы. В сумке на колесиках она привозит из университетской библиотеки кипы пухлых томов по самым немислимым предметам: психоллингвистика, семиотика, азбука Брайля, общение с глухонемыми. Больше всего в жизни она ценит факты. Залезет с ногами на диван в гостиной, поставит около себя коробку с шоколадными конфетами и уносится в неведомые миры. Читает о том, есть ли жизнь на Марсе, читает биографии не очень знаменитых людей, которые у других вызвали бы скуку. Одно время она набросилась на книги по медицине. Прошлый месяц она провела, читая о криогенике, искусственном оплодотворении и истории оптики. Что происходит с ней во время этих космических полетов на другие планеты человеческого знания, мне неизвестно. Не сомневаюсь, она охотно поделилась бы со мной своими открытиями, попроси я об этом. Но со временем я перестал даже притворяться, будто меня интересуют ее занятия. Отсутствие интереса к занимательным вещам Барбара считает моим главным недостатком. Мне не о чем говорить с ней, пока она исследует неведомые миры.

Не так давно мне пришла в голову мысль, что Барбара – с ее манерностью и угрюмой молчаливостью, отвращением к большинству представителей рода человеческого и затаенными и невыразимыми страстями – существо странное. У нее нет ни серьезных привязанностей, ни близких знакомств. Единственный человек, с которым она поддерживает отношения, это ее мать, с которой она почти не общалась, когда мы только встречались, и к которой донныне не питает особых дочерних чувств. Как и моя мать, Барбара похожа на добровольную узницу в собственном доме, которая безупречно ведет хозяйство, воспитывает сына и без усталости трудится над бесконечными формулами и алгоритмами.

Я даже не замечаю, как мы с Барбарой перестаем разговаривать и палимся в экран телевизора, где сменяются картинки сегодняшней траурной церемонии. Вот подъезжает автомобиль Реймонда, и на секунду показывают мой затылок. Вот сына покойницы ведут ко входу в храм. Диктор вещает трагическим тоном: около восьмисот человек, включая многих руководителей города и округа, собрались сегодня у Первой пресвитерианской церкви, чтобы отдать последние почести Кэролайн Полимус, известному прокурору, погибшей от руки насильника и убийцы три дня назад. Вот народ начинает выходить из церкви. Вот без воспроизведения звука показывают мэра и Реймонда, которые разговаривают с репортерами. Вот, отмечая все вопросы о расследовании преступления, Нико делла Гуарди усаживается в автомобиль и тихо говорит в камеру печальным голосом: «Я приехал почтить память товарища по профессии».

Первой снова заговаривает Барбара.

– Как оно было? – спрашивает она, завернувшись в красный шелковый халат.

– Показуха или вроде того, – отвечаю я. – Все шишки съехались.

– Ты плакал?

– Да брось ты.

– Я серьезно спрашиваю. – Она вся подается вперед. Губы плотно сжаты. Неистовый остановившийся взгляд. Я всегда удивляюсь тому, как быстро она приходит в состояние гнева. С годами главным ее достижением стало умение взять на испуг. Она знает, что я не могу сразу дать отпор: меня сдерживают давние страхи, груз воспоминаний. Мои родители часто устраивали дикие перебранки, даже драки. Помню, однажды ночью меня разбудил странный шум. Мама одной рукой схватила отца за волосы, а другой хлестала его по лицу свернутой газетой. После этих стычек мама, задернув шторы на окнах, по нескольку дней лежала в постели, страдая от жесточайшей головной боли. С твердым наказом не шуметь я был предоставлен самому себе.

Сейчас я лишен такой возможности, поэтому подхожу к принесенной Барбарой корзине с выстиранным бельем и молча начинаю подбирать пары носков. Барбара тоже молчит. Слышны только болтовня из телевизора и уличный шум. За домами у нас бежит небольшая речка, и, когда стихает автомобильное движение, до нас доносится ее журчание. В подвале хлопает дверца отопительной печи – через несколько минут, первый раз за день, по трубам разойдется теплый маслянистый запах.

– Нико из кожи лез, чтобы показать, как он горюет, – говорит наконец Барбара.

– Это ему плохо удавалось. Он буквально сиял от радости. Еще бы, такой удар по Реймонду.

– Это действительно так?

Не переставая сортировать носки, я пожимаю плечами.

– Во всяком случае, эта смерть ему на руку.

Барбара удивляется: все эти годы она сама видела, как победоносно шествует Реймонд, но в ней быстро берет верх математик, и она принимается прикидывать возможные решения.

– Расти, и что же ты будешь делать, если Реймонд проиграет?

– Приму как факт. Что еще я могу сделать?

– Я имею в виду, на что будем жить?

Синий к синему. Черный к черному. Но это не так просто при слабом свете. Несколько лет назад я говорил, что надо бросить прокуратуру и податься в адвокаты. Хватит работать на дядю. Но я так и не решился сделать этот шаг. И мы с Барбарой давно не говорили о перспективах моей карьеры.

– Не знаю, что буду делать, – честно признаюсь я. – Займусь частной практикой. Пойду в юрисконсульты, буду преподавать. Я же юрист. Делягарди говорит, что оставит меня замом.

– И ты ему веришь?

– Конечно, нет. – Я убираю носки в свой ящик. – Он сегодня порядочно чепухи намолол. Типа единственным серьезным соперником на выборах был бы я – стоит мне только уговорить Реймонда уйти и оставить лавочку на меня.

– Так и надо было сделать, – говорит Барбара.

Я удивленно смотрю на нее.

– Да, именно так.

Не знаю, почему я удивился. Жены, как правило, терпеть не могут начальников своих мужей. Барбара не исключение. Но у меня не хватает мужества сделать то, что другой посчитал бы нормальным.

– Не умею заниматься интригами.

– Брось, у тебя бы это хорошо получилось. Ты до смерти хочешь выбиться в окружные.

Меня коробит ее уверенность, что она видит меня насквозь. Я ухожу в глухую оборону: говорю, что наш разговор принял чисто академический характер. Реймонд выиграет выборы.

– Болкарро в конце концов наверняка его поддержит. Или же мы найдем убийцу, – я киваю на телевизор, – и народ пойдет к избирательным урнам под победные клики телевизионщиков.

– Интересно, как вы собираетесь найти убийцу? У вас есть подозреваемые?

– Ни хрена у нас нет.

– Ну и как же?

– Оставшиеся две недели Липранцер и Расти Сэбич из кожи вон будут лезть, чтобы из-под земли достать Реймонду преступника. Таков наш тщательно разработанный план.

Щелкает кнопка на пульте дистанционного управления, на экране вспыхивает и гаснет звездочка. Слышу, как позади меня зафыркала Барбара. Неприятный, не обещающий ничего хорошего звук. Оборачиваюсь – снова остановившийся, полный ненависти взгляд.

– Ты у нас такой предсказуемый, – говорит она низким раздраженным тоном. – Кто отвечает за это расследование, ты?

– Ну разумеется.

– Разумеется?

– Барбара, я заместитель окружного прокурора. Кому, как не мне, руководить расследованием? Реймонд самолично повел бы это дело, если бы не выборы через две недели.

Я предвидел эту сцену, когда два дня назад понял, что должен сообщить Барбаре о произошедшем. Предвидел и с той минуты постоянно терзался беспокойством. Собственно, звонить надо было еще и для того, чтобы предупредить о задержке, ведь в прокуратуре переполох: неожиданно возникло одно немаловажное обстоятельство – умерла Кэролайн Полимус.

– Вот как? – протянула Барбара, почти не удивившись. – Переборщила со снотворным?

Я смотрел на телефонную трубку в руке и думал о вздорности ее предположения.

Барбара закипает от гнева. Теперь мне не отвертеться.

– Скажи мне правду, – говорит она. – Тут сталкиваются чьи-то интересы или есть другая причина?

– Барбара...

– Нет, ты сперва ответь, – перебивает она меня вставая. – Это что, служебная необходимость – чтобы расследованием руководил ты? Вас там двадцать человек. Неужели нельзя было найти кого-то, кто не спал с ней?

Как это знакомо – повышение голоса и низость доводов. Я стараюсь держать себя в руках.

– Барбара, Реймонд попросил меня...

– Расти, умоляю, избавь меня от высокопарных слов о служебном долге и прочей чепухи. Ты же мог объяснить ему, почему отказываешься от дела.

– Не считал нужным приводить личные мотивы. И вообще это его не касается. – Видя мою растерянность, Барбара хмыкает. До чего же глупо – признаваться в содеянном еще раз. Барбара догадывалась о моей тайне. Если бы это не причиняло ей боль, она оповестила бы о ней всех на рекламных щитах города. Все то короткое время, что мы встречались с Кэролайн, мне не хватало ни храбрости, ни честности, ни желания признаваться Барбаре в чем бы то ни было. Признание откладывалось и откладывалось на потом, но вскоре я твердо решил, что все в прошлом.

В тот день я приехал домой сразу по окончании рабочего дня, точно к ужину, как бы заглаживая свою вину за то, что почти месяц не бывал вечерами с семьей. Предлогом служила необходимость подготовиться к трудному процессу. Нату, как обычно, было разрешено полчаса посмотреть телевизор. За столом я совсем расслабился. Луна, вино, легкая грусть. У психологов есть особое название для такого состояния. Я налил стакан виски со льдом и содовой – у Кэролайн набор точно таких же стаканов. Нахлынули воспоминания о ней. Я вдруг потерял над собой контроль и разрыдался – горько, безудержно. И Барбара сразу поняла все. Знала, что я не заболел, не устал, не расклеился. Знала, что я плачу не от стыда, а оплакиваю потерю.

Она не мучила меня вопросами. Спросила, кто она. Я назвал имя. Вы расстались? Да, все кончено. Это продолжалось совсем недолго. Можно сказать, что ничего и не было.

О, я был «стоек» – сидел за столом и, закрыв лицо руками, плакал, плакал навзрыд. Я слышал стук тарелок. Барбара убирала со стола.

– По крайней мере, мне не нужно спрашивать, кто кого бросил, – сказала она.

Позднее, уложив Ната, я, разбитый и жалкий, поднялся в спальню. Под грохочущие из магнитофона дурацкие ритмы она проделывала комплекс вечерних упражнений – гнулась, разгибалась и снова гнулась, как настоящий акробат, а я стоял, словно побитая собака, и мне казалось, что вот-вот у меня лопнет кожа и я развалюсь на части. Мне хотелось сказать что-нибудь простое, хорошее, что хочу жить, как мы жили прежде, что ничего не изменилось, но слова не шли. Да и каждое ее движение говорило, что слова бесполезны. Я молча простоял минут пять, и Барбара не взглянула на меня. Наконец, делая мостик, она изрекла: «Не мог придумать... ничего другого». Потом сказала еще что-то, но я не разобрал. Последнее, что я услышал, было как пощечина: «Ничтожество».

Как это ни удивительно, но моя связь с Кэролайн принесла нам обоим, Барбаре и мне, странное облегчение. Теперь, по крайней мере, есть причина для ее злости, для наших ссор – есть нечто, чем нужно переболеть, и, следовательно, слабая надежда на то, что все пойдет по-прежнему. Несколько месяцев Кэролайн была нечистой силой, которую надо было изгнать из нашего дома. Смерть привела ее из мира духов в живую жизнь. Вопрос теперь стоит так: сумеем ли мы с Барбарой воспользоваться наметившейся переменой к лучшему. Я понимаю жену, но по мотивам глубоко личным, какие невозможно сформулировать, не могу – понимаете, не могу – отказаться от этого расследования.

Я пытаюсь привести простой довод:

– Барбара, речь идет всего о двух с половиной неделях, пока не пройдут выборы. А там это дело превратится в обычный случай из полицейской практики. Очередное нераскрытое убийство.

– Ты соображаешь, что делаешь? Зачем тебе мучить меня и себя?

– Барбара...

– Что «Барбара»? Я знала, что ты выкинешь что-нибудь в этом роде. Сразу все поняла, когда ты позавчера позвонил. Поняла по твоему голосу. Она мертвая, Расти. Слышишь? Мертвая! И незачем по ней сходить с ума.

– Барбара... – повторяю я.

– Нет, дорогой, с меня довольно. Хватит!

Нет, она не плачет, она вся кипит от гнева. Хватает книгу, пульт от телевизора, подушку. Начинается извержение вулкана Святой Елены. Я почитаю за благо ретироваться. Подхожу к шкафу, достаю халат, иду к двери, слышу:

– Могу я задать тебе один вопрос?

– Ну конечно.

– Я давно хотела спросить...

– Спрашивай.

– Почему она перестала видеться с тобой?

– Кто, Кэролайн?

– Нет, космическая пришелица. – В ее словах такая язвительность, что кажется, она вот-вот в меня плюнет.

Я было подумал, что она спросит, зачем я вообще завел этот роман, но она, вероятно, нашла ответ на этот вопрос.

– Честное слово, не знаю. Видимо, потеряла ко мне интерес.

Барбара качает головой.

– Какой же ты все-таки идиот, – торжественно произносит моя жена. – Уходи.

Я быстро ухожу. За ней водится привычка кидаться тяжелыми предметами. Я иду по коридору в комнату Ната – больше мне идти некуда. Сын спит глубоким сном. Я слышу его легкое дыхание и присаживаюсь на краешек кровати под защиту могучих рук Человека-паука.

Глава 5

Понедельник – день-бездельник. И тем не менее из пригородной электрички на восточном берегу реки вываливается толпа. Привокзальная площадь обсажена ивами, их кроны повесенному зеленеют.

Еще нет девяти, когда я прибываю в прокуратуру. Моя секретарша Евгения Мартинес с недовольным видом приносит почту, служебные записки и листочки бумаги с пометками – кто и зачем звонил. Евгения – одинокая полная женщина средних лет; кажется, что она исполнена решимости расквитаться со всеми за все. Она отказывается записывать под диктовку, неохотно печатает на машинке, и я часто застаю ее не обращающей внимание на надрывающийся рядом телефон. Ее посадил сюда еще Джон Уайт – посадил только затем, чтобы избежать шума, который она неизбежно подняла бы, назначь он ее на другое место. И вот уже десять лет она является сущим наказанием для очередного зама окружного. Ни уволить, ни перевести на низшую должность я ее не могу: профсоюз против.

Поверх принесенных Евгенией бумаг – служебная записка из отдела кадров о Томми Мольто, который третий день по неизвестным причинам не выходит на работу. Отдел предлагает считать его отсутствующим без разрешения со всеми вытекающими отсюда последствиями. Я делаю пометку в блокноте: поговорить о Мольто с Макдугал.

Регистрационная служба прислала мне компьютерную распечатку – имена тринадцати освобожденных из-под стражи за последние два года лиц, чьи дела вела Кэролайн Полимус. В прилагаемой записке говорится, что досье на тех, чьи имена подчеркнуты, были переданы ей. Чтобы не забыть, я кладу распечатку в центре стола.

Теперь, когда большую часть дня Реймонд проводит на предвыборных собраниях, мне приходится заниматься его делами. Через час я провожу совещание по уточнению аргументов и формулировок обвинительных заключений, которые будут предъявлены двенадцати арестованным на минувшей неделе. После ленча с группой других сотрудников мы будем разбирать происшедший на днях дурацкий случай. Полицейский агент сделал контрольную закупку дозы героина. Продавцом оказался тайный агент Федерального управления по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Оба вытащили значки, оружие и стали угрожать друг другу. На помощь тому и другому пришли товарищи по службе. В результате одиннадцать представителей органов правопорядка, матерясь и размахивая пистолетами, пошли стенка на стенку. Теперь мы разбираемся. Полицейские в который раз пожалуются, что федералы вечно проводят свои операции втихую, не ставя никого в известность, – нет чтобы объединить усилия. Старший из УБНОНа намекнет, что у легавых можно купить любую секретную информацию.

Кроме того, мне предстоит назначить еще одного человека для расследования убийства Кэролайн Полимус. Наверняка выплывут и другие неотложные дела.

Приблизительно в половине десятого звонит Стью Дубински из «Трибюн». На протяжении всей избирательной кампании Реймонд сам отвечает на звонки представителей прессы – не хочет упустить случай лишний раз увидеть свое имя в газете или услышать упрек, что из-за предвыборной горячки окружной прокурор совсем забросил службу. Стью – наш лучший репортер уголовной хроники – предпочитает придерживаться фактов и знает границы дозволенного. С таким можно разговаривать.

– Что новенького о Кэролайн? – спрашивает он.

Меня неприятно поражает, что Стью убийство называет именем убитой. Трагическая гибель Кэролайн уже становится рядовым событием.

Я, разумеется, не могу сказать Стью, что ничего новенького нет. Это может дойти до Нико, и тот не упустит возможности снова обрушиться на нас.

– На данный момент окружной прокурор воздерживается от комментариев, – говорю я.

– Не соизволит ли окружной прокурор прокомментировать следующую информацию? – (Я догадываюсь, что эта информация и побудила Стью позвонить.) – Прошел слух, что один из руководящих сотрудников ушел из прокуратуры. В убийном отделе работал. Тебе это ни о чем не говорит?

Речь, конечно, идет о Мольто. После ухода Нико Томми, его заместитель, стал фактически руководить отделом. Хорган же не захотел утвердить его официально, справедливо полагая, что рано или поздно случится что-то в этом роде. Все-таки пронюхали, думаю я, это плохо, очень плохо. По тому, как Дубински ставит вопросы, я представляю, как это будет подано в прессе. Один руководящий сотрудник убит, другой, который должен был бы вести расследование, ушел. Создается впечатление, что прокуратура на грани хаоса.

– Можешь процитировать окружного: на данный момент никаких комментариев.

Я слышу в трубке легкий стон. Стью начинает надоедать наш разговор.

– Можно у тебя спросить одну вещь? По секрету?

– Валяй.

– Насколько достоверна эта информация? Мне хочется знать, держим ли мы руку на пульсе.

– Информация так себе. От одного типа, который воображает, будто знает больше, чем ему известно на самом деле. Я лично думаю, что это Томми Мольто. Его и Нико водой не разольешь, верно я говорю?

Ясно, что Стью знает немного. Не ответив на его вопрос, я спрашиваю:

– А что говорит делла Гуарди?

– Говорит, что не склонен эти слухи... Ладно, хватит вилять, Расти.

– Скажу тебе, только не для печати. Я ей-богу не имею ни малейшего понятия, где Томми Мольто и что он делает. Если он заодно с Нико, почему наш кандидат это скрывает?

– Хочешь, подам версию?

– Конечно, хочу.

– Может быть, Нико велел ему провести их собственное расследование убийства. Подумай. Как тебе понравится такой заголовок: «Делла Гуарди ловит убийцу!»?

Предположение абсурдно. Частное расследование может помешать работе прокуратуры и полиции. Противодействие правосудию – негодная тактика. Однако нелепость имеет свою логику: это похоже на Нико. И Стью не тот человек, чтобы теряться в догадках.

– Часть твоего слуха, правильно я понимаю?

– Не комментирую, – отвечает Стью.

Мы оба смеемся, и я кладу трубку и тут же звоню Лоретте, секретарше Реймонда: мне нужно немедленно поговорить с ним – где бы он ни находился. Затем пытаюсь связаться с Лидией Макдугал, чтобы обсудить проблему Мольто. Мне отвечают, что ее нет на месте. Я прошу оставить записку.

За пятнадцать минут до совещания по обвинительным заключениям я захожу в кабинет Кэролайн. У комнаты уже заброшенный вид. На письменном столе в стиле ампира пусто. Содержимое ящиков – старая пудреница, флакон с остатком духов, пакет растворимого супа, упаковка салфеток, вязаный свитер, пол-литровая бутылка мятной водки – сложено в картонную коробку вместе с ее дипломами и свидетельствами Ассоциации юристов, которые прежде красовались на стенах. Груда коробок для бумаг посередине кабинета явно свидетельствует, что здесь давно никто не работал. У осевшей за неделю пыли кисловатый запах. Я наливаю стакан воды и поливаю поникшие цветы.

Среди накопившихся у Кэролайн дел большую часть составляли дела об изнасиловании. Выдвинув верхние ящики ее старинного дубового шкафа, я по шифрам на папках узнаю, что ожидают обвинения или суда двадцать два насильника. Кэролайн питала особую симпатию к жертвам изнасилований, и со временем я понял, что эта симпатия глубже и искреннее, нежели

я полагал поначалу. Когда она рассказывала о страхе и страдании женщины при навязанном ей половом сношении, с нее спадала светская шелуха, обнажая попеременно негодование и жалость. Правда, некоторые преступления на сексуальной почве носят странный, даже причудливый характер. Так, ординатор в университетской больнице назначал некоторым пациенткам лечебную гимнастику, которая заканчивалась тем, что он вводил им свой член; одна пациентка трижды перенесла это способ «лечения», прежде чем подала жалобу. Или вот другой случай. Подружка одного из подозреваемых лишь после нескольких допросов рассказала, что он проник в ее квартиру, взломав раздвижную дверь, набросился на нее и изнасиловал. Но потом, когда он отбросил нож, она перестала бояться его, такого приятного молодого человека.

Как и многие другие, я давно предполагал, что эта сторона работы привлекала Кэролайн не только в силу профессионального любопытства. Ею двигало что-то более существенное. Я внимательно просматриваю досье в надежде найти какую-либо зацепку – например, что убийство Кэролайн Полимус носит либо ритуальный характер, либо является очередной зверской сценой, к каким она сама проявляла повышенный, можно сказать, болезненный интерес. Надежды мои не оправдываются, тринадцать имен ничего не говорят.

Ну что ж, пора на совещание, но что-то еще не дает мне покоя. Я еще раз просматриваю компьютерную распечатку регистрационной службы и вижу, что мне не попала отмеченная в ней «папка П.» – так мы называем досье на лицо, совершившее преступление, которое предусмотрено одним из разделов Уголовного кодекса нашего штата, – подкуп должностных лиц правоохранительных органов. Кэролайн редко занималась делами, не связанными с преступлениями на сексуальной почве. Расследование случаев о подкупе проходит под моим личным наблюдением.

Я еще раз быстро обшариваю ящики письменного стола. Пусто. Вернувшись к себе, просматриваю свой список дел о подкупе. Такого нет. Я делаю пометку в блокноте: «„Папка П.“? Полимус?»

В комнату входит Евгения.

– О господи, куда вы пропали? Я с ног сбилась, вас искала. Звонил мистер Шишка-на-ровном-месте, сказал, чтобы вы приехали в клуб «Деланси» в полвторого.

Мистером Шишка-на-ровном-месте некоторые за глаза зовут Реймонда Хоргана. Мы с ним теперь часто встречаемся в городе, обычно после ленча, перед его очередным выступлением. Я докладываю ему, что произошло в прокуратуре за время его отсутствия.

– Лидия не объявилась?

Евгения читает оставленную ею записку:

– «Все утро буду через улицу». Укатила понаблюдать, как работают наши новички.

Я прошу Евгению оповестить кого нужно, что совещание по обвинительному заключению откладывается на полчаса, а сам иду в здание Центрального суда поговорить с Лидией Макдугал. В филиалах арестованные в первый раз предстают перед судьей, там устанавливают сумму залога, разбирают мелкие правонарушения и заслушивают предварительные показания свидетелей более тяжких преступлений. После стажировки в апелляционной и исковой секциях работа в филиале считается очередной ступенькой к прокурорской должности. Я сам полтора года провел в филиале, но сейчас бываю там очень редко.

В Центральном суде принимаются к производству серьезные дела. Сейчас здесь идет очередное заседание. В коридоре между двумя просторными залами топчется народ. Толпа напоминает неимущих пассажиров на нижних палубах старого океанского парохода. Матери и подружки плачут по сыновьям и возлюбленным, которые находятся в камерах, примыкающих к залу. Снуют разного ранга юрисконсульты и приглушенными, как у мелких спекулянтов, голосами предлагают свои услуги возможным клиентам. Адвокаты, назначенные штатом тем, кто не может оплатить частного, выкликают имена людей, которых им предстоит защищать,

хотя их в жизни не видели. Обвинители громко вызывают полицейских, производивших аресты. Им явно не хватает сведений, которые содержатся в коротком официальном протоколе.

Зал заседаний поневоле внушает уважение: сводчатые потолки, мраморные колонны, ряды сидений с прямыми спинками. Здесь тоже стоит гул. Беззлобно препираются представители обвинения и защиты, сидящие неподалеку от судейского стола. Вокруг секретаря суда сгрудились служащие прокуратуры – один принес документы к слушанию, другой изучает протокол заседания, третий требует пропустить его дело прежде прочих. Вдоль грязноватых стен по двое-трое выстроились полицейские, многие пришли прямо с ночной смены для установления залога задержанным на их дежурстве. Чтобы прогнать сонливость, полицейские тянут кофе из пластиковых стаканчиков и переминаются с ноги на ногу. Из-за стены, из камер, доносятся грохот и гвалт. Кто-то из заключенных матерится на судебных приставов, кто-то жалуется на скверные условия содержания и вонь из унитазов, кто-то стонет и стучит по прутьям решетки.

К концу утреннего заседания приводят проститутку в коротеньких, не закрывающих пупок топиках и шортах, выслушивают объяснения, налагают штраф и отпускают, чтобы те могли выспаться перед ночной работой. Обычно группу из трех-четырех девиц представляет нанятый защитник, но иногда эту роль исполняет сутенер – чтобы не тратиться на адвоката. Сейчас как раз такой случай. Холеный тип в оранжевом пиджаке распространяется о жестокости полицейских и непомерных штрафах.

Я наконец нахожу Лидию Макдугал, однако в коридоре не поговорить, и мы уединяемся с ней в раздевалке, где не висит ни одного пальто, ни одного плаща. Нужно быть последним идиотом, чтобы оставить одежду без присмотра в здании, где шляется всякий сброд. В раздевалке совершенно пусто, если не считать пишущей машинки и громадного канделябра в пластиковом пакете (вероятно, вещественных доказательств, приготовленных к слушанию очередного дела).

– Что еще там случилось? – спрашивает Лидия.

– Скажи, что могла делать Кэролайн с «папкой П.»?

– Понятия не имела, что Кэролайн интересуется делами выше пояса, – улыбаясь во весь рот, отвечает она – всеобщая любимица, непредсказуемая, острая на язык, не признающая авторитетов.

Она высказывает ряд предположений, которые я уже продумал и отверг.

– Тогда не знаю, – признается она.

В качестве заместителя окружного прокурора по административно-хозяйственной части Лидия Макдугал отвечает за работу с кадрами, следит за дисциплиной, занимается приобретением оборудования и так далее и тому подобное. Работа неблагодарная, паршивая, несмотря на громкое название должности, но Лидия привыкла к трудностям.

Вот уже двенадцать лет как у нее отнялись ноги. Это случилось вскоре после того, как мы почти одновременно пришли работать в прокуратуру. Стояла поздняя осень, вечером по дороге стлался туман, да еще пошел снег. Лидия, сидевшая за рулем, не справилась с управлением, и машина скатилась в реку. Ее первый муж Том погиб на месте.

Практика показала, что Лидия, пожалуй, самый талантливый юрист в нашем учреждении. Она организована, сообразительна, находчива и со временем научилась использовать собственную немощь себе на благо. Масштаб трагедии постигаешь умом и сердцем постепенно, не сразу. Когда у присяжных заседателей выпадает два-три свободных дня, они наверняка задумываются над тем, каково это – жить, не чувствуя ног, не имея возможности самостоятельно ни встать, ни сесть. Но видя в суде эту красивую, сильную, улыбчивую женщину в инвалидной коляске, с обручальным кольцом на пальце, слыша, как она вскользь упоминает о своем маленьком ребенке, они испытывают даже не уважение, нет, а искреннее восхищение.

В сентябре Лидия станет судьей. Она уже заручилась поддержкой со стороны партии, и на первичных выборах у нее не будет соперников. Общие выборы превратятся в пустую формальность. Кто победит кандидата, за которого будут голосовать все женские организации, общества инвалидов, служители закона и общественного порядка, члены трех ведущих ассоциаций юристов?

– Почему бы тебе не спросить о «папке П.» у Реймонда? – предлагает Лидия.

Я хмыкаю. Хорган не вникает в детали и вряд ли что знает об отдельно взятом деле. Я перестал советоваться с ним. В любом случае он снимет с себя ответственность.

По пути в другой зал, где собирается присутствовать на заседании Лидия, я спрашиваю ее о Томми Мольто – как рассматривать его отсутствие на работе. Если мы вздумаем его уволить, Нико поднимет крик, что Хорган начал охоту на ведьм, и наживет политический капитал. Если оставим Томми в штате, это создаст еще больше проблем. В конце концов мы решаем считать его отсутствующим без разрешения, как и предложил отдел кадров.

– Пошли к нему верного человека, – говорю я. – Хватит с нас одного мертвого прокурора. Если какая-нибудь домохозяйка завтра обнаружит в своем мусорном ящике разрубленного на части Мольто, мы заявим, что с ног сбились, разыскивая его.

Лидия берет указание на заметку.

Его честь Ларрен Литл первым замечает мое появление в клубе, куда всего три года назад допускались только белые. Его крупное, темное, хитроватое лицо исполнено величия. Роскошная обстановка элитного заведения несколько не смущает чернокожего судью. Он как дома среди глубоких кожаных кресел и обслуживающего персонала в зеленых ливреях.

В свое время Реймонд и Литл организовали юридическую консультацию. Активисты антиправительственных движений, они защищали в суде уклоняющихся от призыва в армию, мелких марихуанщиков и воинствующих черных националистов, а также имели платную клиентуру. Давным-давно я вел против Ларрена одно дело – начинающий обвинитель против парня из богатой негритянской семьи из предместья на Западном побережье, который имел привычку обворовывать дома друзей его состоятельных родителей.

Во время заседания солидная фигура Ларрена внушительно возвышается в судейском кресле. Он превосходно владеет своим голосом самого широкого диапазона – от лирического тенора до громоподобного баса. Он способен без конца мытарить обвинителя и защитника и запугивать свидетеля. От изысканных фраз образованного джентльмена он легко переходит на крикливый жаргон негритянских кварталов или полуграмотные заклинания провинциального проповедника. Когда он говорит, присяжные заседатели забывают, что в зале есть другие юристы.

Реймонд первым подался в политику. Ларрен, руководя его избирательной кампанией, принес ему сотни и сотни «черных» голосов. Через два года Реймонду вздумалось сделаться мэром, и Ларрен стал его напарником в предвыборной гонке в качестве кандидата на пост судьи. Ларрен выиграл выборы, Реймонд проиграл, и судья Литл пострадал за свою преданность первому лицу. Болкарро назначил его в Северный филиал, где Ларрен слушал дела нарушителей правил уличного движения и пьяных хулиганов, которыми обычно занимаются мировые судьи, то есть низшее звено судебной системы. Четыре года спустя его вызволил оттуда Реймонд, который безоговорочно и горячо поддержал переизбрание мэра Болкарро. С тех пор Ларрен ведет наиболее важные уголовные дела, являясь жестким самодержцем и, несмотря на дружбу с Реймондом, заклятым врагом прокуроров. Про него говорят: в этом суде – два адвоката, и тот, кого не переспоришь, носит судейскую мантию.

И тем не менее Ларрен играет важную роль в кампаниях Реймонда. Кодекс юриста запрещает ему занимать в них официальный пост, но он по-прежнему является членом ближайшего окружения Хоргана, куда помимо него входят товарищи Реймонда по юридическому колледжу

и первым годам судебной практики: Майк Дьюк, управляющий солидной фирмой, Джо Рейли из партийного комитета, еще двое-трое.

На Майке Дьюке лежит обязанность обеспечивать поступление денег на кампанию и следить за тем, на что они расходуются. В нынешнем году это оказалось более трудной задачей, чем прежде, когда у Реймонда не было серьезного противника. Тогда он отказывался от каких-либо пожертвований, опасаясь, что это скомпрометирует его. Сейчас о щепетильности приходится забывать. За последние недели Майк провел ряд встреч с богатыми джентльменами-либералами вроде тех, что собрались сегодня в «Деланси», дабы убедить их, что Реймонд – такой же надежный инструмент правосудия, каким был десять лет назад. Хорган произносит предвыборную речь простым, понятным избирателям языком, дожидаясь того момента, когда его и судью позовут по неотложным делам и они оставят Майка выжимать пожертвования.

Моя задача элементарна: я должен увезти Реймонда. Тот представляет меня и проносит извинения за то, что вынужден покинуть почтенное собрание, поскольку в прокуратуре ждут неотложные дела. Мое появление – предлог смыться. Для присутствующих я пешка. Ни один не предложил мне сесть, и только судья Литл привстал пожать мне руку. Окутанный клубами сигарного дыма, я терпеливо жду, когда закончатся рукопожатия и прощальные подшучивания. Прихватив с блюда мятную конфету, Реймонд устремляется к двери.

– Какие новости? – спрашивает он, как только мы, миновав швейцара, оказались под зеленым навесом перед входом в клуб. С утра чувствуется, как разливается в воздухе тепло. Кровь бежит быстрее. Пахнет весной.

Реймонд не скрывает раздражения, когда я рассказываю о звонке Стью Дубински из «Трибюн».

– Пусть только сунутся, – говорит он, имея в виду Нико и Мольто. Мы бодро шагаем к муниципалитету. – Ишь чего надумали – независимое расследование. Бред собачий!

– Реймонд, чего ты кипятишься? Это просто журналистские мысли вслух. Не придавай им значения.

– Пусть только попробует, – раздраженно повторяет он.

Я начинаю рассказывать о стычке между полицейскими и федералами, гоняющимися за наркоторговцами, но он не дает мне закончить.

– Какие у нас самих подвижки по Кэролайн?

Догадки о намерении Мольто подогрели его желание ускорить наше собственное расследование. Он засыпает меня вопросами. Чего они тянут с анализом пыли в комнате Кэролайн? Хорошенько ли изучили оставленные пальчики? Пришел ли перечень дел, которые она вела?

Все это на подходе, отвечаю я, правда, последние три часа я был занят на совещании по обвинительным заключениям.

Реймонд застывает как вкопанный. Он в ярости.

– Черт тебя побери, Расти! – Его глаза мечут молнии. – Я тебе что сказал? Ничем, кроме Кэролайн, не занимайся! Это сейчас самое главное. Иначе делла Гуарди перо мне в зад вставит. Да и перед Кэролайн это наш долг. А в лавочке пусть Лидия заправляет, слышишь? Она прекрасно разберется и с полицейскими, и с федералами, и с обвинительными заключениями. Не хуже тебя справится. Твое дело – каждую мелочь просветить, понял? И чтобы все тип-топ, понял? Когда же ты будешь настоящим профессионалом, черт побери?!

Я оглядываюсь по сторонам – благо никого из знакомых поблизости нет. Я не мальчишка, мне тридцать девять лет, у меня тринадцать лет юридического стажа.

Несколько минут мы шагаем молча. Потом Реймонд поворачивается ко мне, качает головой. Я ожидаю продолжения разноса, но вместо этого он говорит:

– Ни хрена-то они не умеют.

Я понимаю, что Реймонд не в восторге от ленча.

Мы входим в муниципалитет. Седой лифтер Голди, весь день просиживающий у пустой кабины в ожидании Реймонда и других важных шишек, отставляет стул и складывает газету. Начав было говорить о пропавшей «папке П.», я прикусываю язык: Нико и Голди – друзья-товарищи. Мне не раз приходилось видеть, как в нарушение правил Голди возит Нико. Тот обожает попользоваться начальственным лифтом и стоит с каменным лицом, пока старик окидывает взглядом вестибюль: не видит ли кто непорядок.

Мы входим в прокуратуру. К Реймонду сразу потянулись люди: кто-то с вопросом по работе, кто-то узнать новости с избирательного фронта. В промежутке я успеваю вставить, что побывал в кабинете Кэролайн, посмотрел бумаги. Снова подходят и заговаривают люди, и Реймонд теряет нить моего доклада.

– Там не хватает одного досье, – повторяю я. – Непонятно, почему она вела это дело.

– Какое дело? – Мы уже вошли в его кабинет.

– Дело о подкупе – так зарегистрировано. Никто не знает, что с ним случилось. Я и у Лидии спрашивал, и свои записи просмотрел.

Реймонд смотрит на меня отсутствующим взглядом.

– Где я должен быть в два часа?

Я говорю, что не имею представления.

Тогда он начинает звать Лоретту, свою секретаршу. Оказывается, на два назначено заседание Судебного комитета, где он должен доложить о некоторых нововведениях в процедуру вынесения приговора, предложенных им в предвыборной программе. Комитетом подготовлен материал для печати, на открытие заседания приедут с телевидения. Реймонд уже опаздывает.

– Черт знает что! – Тяжело топая, он в нетерпении рассказывает по кабинету. – Черт знает что!

– Правда, дело заложено в компьютер, – начинаю я снова.

– Она звонила Коди? – спрашивает Реймонд.

– Кто, Кэролайн?

– При чем тут Кэролайн? Лоретта.

– Не знаю.

Реймонд снова зовет секретаршу.

– Ты позвонила Коди? Нет? Да звони же скорее, черт вас всех побери! И пошли кого-нибудь в комитет сказать, что еду. До них никогда не дозвонишься. Сэм весь день висит на телефоне. И с кем только он болтает?

– Я подумал, что ты что-нибудь слышал об этом деле, что-нибудь помнишь.

Реймонд не слушает. Он плюхается в кресло, повернутое к той части стены, где развешаны его свидетельства, награды, фотографии и прочие знаки его былых побед. Подчиненные зубоскалят: «Стена скандальной славы». У Реймонда снова вид задумчивого стареющего человека, который чего только не повидал на своем веку.

– До чего же погано все складывается! Каждые выборы Ларрен говорит: оставь вместо себя на хозяйстве кого-нибудь из замов, а сам возьми отпуск. Мне как-то удавалось обходиться без отпуска. А сейчас прямо на глазах все разваливается. Работы пропасть, но никто не хочет ни за что отвечать. Тебе известно, что мы два месяца не проводили опрос? До выборов всего две недели, а я даже не знаю, какой у меня рейтинг.

Реймонд приставляет кулак ко рту и качает головой. На его лице не столько беспокойство, сколько печаль. Реймонд Хорган, окружной прокурор округа Киндл, утрачивает способность контролировать ситуацию.

Минуту-другую мы молчим. После выволочки на улице у меня пропало желание почтительно поддакивать. После тринадцати лет работы я научился быть бюрократом. С меня где сядешь, там и слезешь. Я сумею сделать так, что мне не влетит за пропавшее досье.

– Может, заложили куда-нибудь эту папку или выкрали. Хотя я не знаю, насколько оно важно, это дело.

– Ты опять за свое? – ворчит Реймонд.

Я не успеваю раскрыть рта. В дверях появляется Лоретта и сообщает, что на проводе Алехандро Стерн. Алехандро – адвокат и председатель Судебного комитета.

Реймонд рассыпается в извинениях, объясняет, что вынужден был заняться дурацкой стычкой между федеральными агентами и местной полицией, говорит, что едет.

Бросив трубку, он зовет Коди.

– Здесь я, – отзывается тот, войдя через боковую дверь.

– Чудненько! – Реймонд мечется по кабинету. – Где, черт возьми, мое пальто?

Коди подает пальто.

Я желаю Реймонду удачи.

Он идет к двери, потом возвращается.

– Лоретта, где мой доклад?

Доклад, оказывается, тоже у Коди, но Реймонд медлит у письменного стола. Затем открывает ящик и подает мне увесистую папку – это «папка П.».

– Потом поговорим, – бросает Реймонд и выбегает в коридор.

Глава 6

– Так получилось, что этот мальчонка, Вендел, стал чем-то важным, – говорю я Робинсону. – Важным для нас, во всяком случае – для меня. Это трудно объяснить. Он как бы способствовал моему сближению с Кэролайн.

Странный это был ребенок – крупный для своего возраста, неуклюжий, медлительный, какой-то забитый. Я спросил у врача, что с этим пятилетним малышом. Тот лаконично ответил: «Налицо депрессивное состояние».

Пока тянулось дело его матери, Вендела Макгафена перевели из муниципального детского дома в ближайший приют. Отец каждый день навещал его, но мать не пришла ни разу. Нам с Кэролайн разрешили встречаться с малышом. Сначала мы с ним вообще не разговаривали – только присутствовали на его сеансах с психиатром Маттингли. В кабинете было полно разных игрушек и картинок, и доктор расспрашивал маленького пациента, что он знает и о чем думает. Чаще всего оказывалось, что Вендел ничего не знает и ни о чем не думает. Маттингли сказал нам, что за несколько недель, проведенных в приюте, ребенок ни разу не спросил о маме, поэтому ни врач, ни мы с Кэролайн не упоминали о ней.

Вендел быстро привязался к Кэролайн. Он приносил ей кукол, заговаривал с ней, показывал птичек и машины за окном. В четвертый или пятый приход Кэролайн сказала Венделу, что хочет поговорить с ним о его маме. Малыш прижал к груди куклу и спросил: «Что о маме?»

Так оно и шло, по двадцать – тридцать минут в день. Врач поражался успехам Кэролайн и попросил разрешения присутствовать при их беседах. Через несколько недель из отдельных фраз ребенка и его сбивчивых ответов на вопросы Кэролайн сложилась более или менее цельная картина. Малыш обычно стоял перед нею, прижав к груди куклу, и не отрывал от нее глаз. Кэролайн непременно повторяла сказанное им и только потом продолжала расспросы. Вендел чаще был безучастен, колебался, прежде чем кивнуть или отрицательно покачать головой. Время от времени он пояснял: «Мне было больно», «Я плакал», «Она говорила, чтобы я молчал».

«Говорила, чтобы ты не шумел?»

«Да, чтобы я молчал».

Окажись на месте Кэролайн кто-нибудь другой, такие продолжительные расспросы ребенка были бы абсолютно неприемлемы. Но ей хватало такта и выдержки проводить их безболезненно для мальчика.

Незадолго до начала процесса Кэролайн и медик решили, что Вендел Макгафен не должен свидетельствовать в суде – разве что в случае крайней необходимости. Встреча с матерью – это лишняя травма, считала Кэролайн. Но, даже приняв такое решение, она продолжала свои беседы с мальчиком, чтобы вытянуть из него как можно больше.

– Трудно объяснить словами, как она смотрела на него, – говорю я Робинсону. – Даже не на него, а в него. Смотрела вдумчиво, пристально. Я никогда не думал, что она понимает детей, что умеет находить с ними общий язык.

Это умение делало ее еще более загадочной. Она казалась какой-то индуистской богиней, познавшей все переживания подлунного мира. Кэролайн пробудила во мне бурные чувства, но та нежность, с какой она относилась к полуосиротевшему ребенку, возвышала их над естественным зовом плоти. Она подвела меня к самому краю пропасти.

Так родилась любовь. Любовь безрассудная, отчаянная, слепая – когда человек живет лишь настоящим, не задумываясь о будущем. Любовь в истинном смысле этого понятия.

Однажды мы с Маттингли разговаривали о том, как Кэролайн работает с мальчонкой. «Удивительно, непостижимо, не правда ли?» – спросил я. Мне хотелось услышать похвалы

Кэролайн. «Я много размышлял, – сказал он, попыхивая трубкой, – и думаю, что она в чем-то напоминает ему мать».

Судебный процесс шел своим чередом. Миссис Макгафен защищал Алехандро Стерн. Сэнди, как звали его знакомые, – аргентинский еврей, сеньор с головы до пят, учтив, аккуратно подстрижен, ногти покрыты лаком, легкий приятный акцент. Мы выслушали его неторопливую, обстоятельную речь – и продемонстрировали вещественные доказательства, представили медицинское заключение и данные анализов, изложили результаты следствия, после чего был объявлен перерыв. В качестве свидетеля защиты Сэнди вызвал некоего психолога, который показал, что Коллин Макгафен – женщина мягкая, не способная на жестокость. Затем Сэнди проявил свой адвокатский талант тем, что изменил порядок вызовов на свидетельскую кафедру. Сначала давала показания подсудимая, которая отрицала свою вину. За ответчицей был вызван ее муж. Тот разрыдался, рассказывая о смерти их первого ребенка. Потом он уверял суд, что собственными глазами видел, как упал Вендел, и что его жена души не чает в их сынишке.

Хороший адвокат всегда сумеет сообщить присяжным заседателям определенное направление мыслей. В данном случае Сэнди хотел донести до них, что Деррил Макгафен простил жену. Если уж он смог это сделать, почему бы и им не поступить так же?

Меня отчасти спасало то, что во время судебных заседаний я почти забывал о Кэролайн. Мне нравилась сосредоточенность, которой требовал процесс судопроизводства, и я не раз с удивлением обнаруживал, что она – рядом, и снова чувствовал, как она очаровывает меня. Усилиями воли я буквально заставлял себя проделывать самые обыкновенные вещи – разговаривать со свидетелями, выстраивать систему доказательств. Вся моя энергия уходила на то, чтобы не замечать Кэролайн. Я запрещал себе думать о ней. Я словно находился в ирреальном космическом пространстве, перемещаясь от скопления немыслимых фантазий к туманности самобичевания, а оттуда – к планете Кэролайн, где я распадался на мельчайшие частицы.

– Однажды вечером мы работали в ее кабинете, – говорю я Робинсону. – Защита представила почти все свои аргументы. На свидетельскую кафедру был вызван Деррил Макгафен, и неспособность этого человека признать факты была поистине трогательна. Кэролайн была в приподнятом настроении и собиралась провести перекрестный допрос. Процесс постоянно освещался двумя телевизионными каналами, и в зале неотлучно находились газетчики. Перекрестный допрос требовал особого подхода: предстояло показать несостоятельность Деррила-свидетеля, не бросив тень на него как на человека. Присяжные испытывали к нему симпатию, поскольку он старался, как любой из нас, всего лишь сохранить семью. Кэролайн вела допрос неторопливо, меняла характер вопросов – так монета, подброшенная в воздух, поворачивается то одной, то другой стороной. На ней были бежевые чулки и юбка ниже колен, которая слегка приподнималась, когда она круто поворачивалась, вышагивая перед судейским столом.

На столе обвинителей среди оберток от сэндвичей лежала пачка документов: схема времени и местонахождения Деррила, из которой следовало, что он находился на работе и не мог видеть, что происходит у него дома. Медицинское заключение о состоянии Вендела, отзывы о нем воспитательницы и тетки. Мы с Кэролайн формулируем вопросы. Нет-нет, надо помягче: «Мистер Макгафен, вы ведь не знали, что Вендел показывает свои синяки в детском садике, не так ли? Скажите, вы знаете, кто такая Беверли Моррисон? Может быть, вы все-таки припомните ее, если я скажу, что это воспитательница Вендела? Вам известно, что седьмого ноября прошлого года миссис Моррисон разговаривала с вашей женой о физическом состоянии Вендела?»

«Мягче, мягче, – шепчу я Кэролайн. – Не подходи к нему слишком близко и поменьше двигайся по залу. Могут подумать, что ты раздражена». Она подается вперед, берет меня за руки и говорит: «Это будет просто замечательно!» Взгляд ее зеленых-презеленых глаз останавливается на мне чуть дольше обычного, чтобы я понял, что мы уже не в зале заседаний,

и я вдруг говорю вслух: «Ты о чем, Кэролайн?» По лицу ее скользит мимолетная, но очаровательная улыбка, она отвечает: «Потом, все потом», – и снова принимается за работу.

«Потом, все потом». Я успел на последний автобус в Ниринг и по дороге домой смотрел на пробегающие мимо фонари и думал. Потом. Что потом, я еще не решил. Это замечательно. Это отвратительно. У меня раздвоение сознания. Но по крайней мере я знаю: произошло что-то значительное. Я постепенно понял смысл нашего знакомства и наших разговоров. Нет, я не сошел с ума, не нафантазировал. Что-то действительно случилось, мы разговаривали, разговаривали о чем-то важном. Сидя на заднем сиденье автобуса в полнейшем мраке, я наконец пришел в себя. Я понял, что возвращаюсь в реальный мир, и меня просто-напросто обуял страх.

Глава 7

На двери табличка: «Студия Б». Я вхожу в просторное помещение размером с небольшой гимнастический зал. Стены выложены желтой плиткой, и потому дневной свет здесь имеет горчичный оттенок. Ряд рукомоилок, от пола до потолка висят шкафчики из березового дерева – такое впечатление, будто я попал в школу к Нату. У окна за мольбертом стоит молодой человек.

Я много лет провел в университете. Если удариться в воспоминания, это было самое счастливое время в моей жизни. Но, кажется, ни разу я не был в Центре искусств, если не считать прилегающей аудитории, куда иногда на очередной спектакль приводила меня Барбара. Зачем я пришел? Надо было послать Липранцера.

– Вы Марти Полимус? – спрашиваю я.

Молодой человек поворачивается ко мне. По его лицу пробегает тень беспокойства.

– Вы из полиции?

– Нет, из прокуратуры. – Я протягиваю руку и называю себя. Марти кладет кисть на стол, где в беспорядке навалены тюбики с красками и расставлены склянки с белилами, и вытирает руку об рубашку. Марти, прыщавый паренек с густой шевелюрой, грязью под длинными ногтями и медными сережками в ушах, весь замызганный красками, учится живописи.

– Мне говорили, что ко мне еще кто-нибудь зайдет, – произносит он.

Создается впечатление, что начинающий художник – человек нервный, старающийся подстроиться под других. Спрашивает, не хочу ли я кофе, и мы идем к автомату около двери. Пока он шарит в карманах, я опускаю в щель два четвертака.

– Кто? – Мы оба дуем на кофе. – Кто сказал, что к вам еще зайдут? – спрашиваю я.

– Кто сказал? Мистер Реймонд Хорган.

– Вот оно что. – Мы неловко замолкаем. Впрочем, Марти, кажется, вообще парень неразговорчивый. Я объясняю, что я прокурор и мне поручено вести следствие по делу об убийстве его матери. Расписание его занятий я узнал в секретариате: вторник, с часу до четырех дня, студия «Независимое искусство».

– Мне нужно, чтобы вы рассказали обо всем с самого начала. Может быть, вспомните что-нибудь еще.

– Да-да, конечно, – говорит Марти.

Мы идем к мольберту, и Марти усаживается на широкий подоконник. Отсюда видно, как за университетом расползаются по городу железнодорожные пути.

– Я не очень хорошо знал маму, – говорит Марти. – Вы ведь слышали, как я жил? – спрашивает он, кинув на меня быстрый взгляд, и я не знаю, что он хочет услышать – «да» или «нет». Я признаюсь в своем неведении, и он снова смотрит в окно, куда-то вдаль.

– Я давно ее не видел. Отец лучше меня обо всем расскажет. Позвоните ему. Он сказал, что постарается помочь следствию.

– Он сейчас в Нью-Джерси?

– Ага. Я дам вам его телефон.

– Ваши родители, как я понимаю, в разводе?

Марти смеется:

– Надеюсь, что да. Отец женат на моей матери. Я имею в виду Мюриел... я зову ее матерью. Они уже пятнадцать лет женаты.

Он вскидывает ноги на подоконник и смотрит на университетские здания. Посоветовав позвонить отцу, юноша словно распахивает передо мной душу и начинает рассказывать о себе. Рассказывает сбивчиво, время от времени останавливаясь, нервно сплетая пальцы рук. Я не тороплю его. Разворачивается еще одна человеческая история.

Его отец, Кеннет, преподавал английский язык в средней школе в одном из небольших городков Нью-Джерси. Кэролайн была его ученицей.

– Отец говорил, что она была действительно хороша. Я думаю, что они начали встречаться, когда она еще училась. Конечно, тайком, хотя на отца это непохоже. Он человек скромный. Сомневаюсь, чтобы у него кто-нибудь был до мамы. Он этого никогда не говорил, но я готов спорить, что не было. А тут любовь – любовь романтическая, настоящая. Во всяком случае, с его стороны. – Юноша умолкает, словно удивленный тем, что ему нечего сказать о чувствах матери.

– Папа звал маму... мою настоящую маму, – уточнил он, скривившись, – он звал ее Керри. У нее было много братьев и отец. Мать ее давно умерла. Она почему-то не любила их. По-моему, они все ненавидели друг друга. Мамин отец даже колотил ее. Мама никогда не жалела, что ушла отсюда.

Марти спрыгивает с подоконника и подходит к своей картине: большой глаз в красных прожилках, неотрывно глядящий на зрителя, где бы он ни стоял. Он наклонил голову и смотрит на свое творение. Видно, хочет поработать. Это не помешает разговору.

Нет, он не знает, как расстались его родители, подробностей не знает. Сразу после его рождения мама поступила в колледж, но потом, к сожалению, бросила. Отец говорит, что тогда-то все и началось, и Керри совсем запуталась. У нее появился другой, и тогда ей разонравился город, разонравился отец, разонравилась жизнь, которую она вела.

– Отец говорит, что, когда они поженились, мама была совсем молоденькой. Повзрослев, она захотела быть самостоятельной. Однажды родители повздорили, и она ушла. Быть может, это даже к лучшему, сказал отец. Он у меня такой – что думает, то и говорит.

Если верить Марти, то Кеннет Полимус словно сошел с полотна Нормана Роквелла: мягкий, мудрый, очки на носу и газета в руках – человек, готовый долгими зимними вечерами рассуждать о событиях в мире, педагог, который любит своих учеников и принимает к сердцу их заботы. «У меня есть сынишка», – едва не сказал я Марти. Приятно сознавать, что кто-то питает к тебе такие же теплые чувства.

– Не знаю, кому вздумалось убивать ее, – неожиданно говорит мой юный собеседник. – Вы ведь за этим пришли, правда?

«Зачем я пришел, – спрашиваю себя. – Наверное, увидеть то, что она скрывала. Или чтобы поменьше думать о нашей близости».

– Как вы думаете, это сделал кто-то из тех, кого она знала? – спрашивает Марти. – У вас есть какие-нибудь зацепки?

Я отвечаю, что нет, касаюсь сомнительности доказательств: незапертые окна, стакан. Умалчиваю о веревках и сперме, ведь речь идет о его матери. Хотя чувствую, что осторожность в выражениях и умалчивание в данном случае не обязательны. Отрепанный вид молодого человека вряд ли имеет отношение к происшествию. У меня создается впечатление, что события последних дней его не касаются.

– Кэролайн вела дела об изнасилованиях. Многие считают, что с ней рассчитался один из тех, кого она упекла за решетку.

– Вы так не считаете?

– Как правило, в убийствах нет ничего загадочного. В нашем городе большинство из них совершаются членами преступных группировок. Причины половины из них: ссоры возлюбленных, разлад в семье и тому подобное. Мотивы чаще всего очевидны.

– У нее было много ухажеров, – вдруг говорит Марти.

– Разве?

– Сколько раз она не хотела, чтобы я к ней приезжал, – говорила, мол, занята. Или вот звоню и чувствую, что у нее кто-то есть. Она о своих делах не распространялась. Я думал,

что со временем ее лучше узнаю, поэтому и приехал сюда. Отец меня отговаривал, но какая разница, где учиться. Да и с учением у меня не очень. По многим предметам отстаю.

– Да?

– Не по всем, конечно. Особенно физика не дается – наверное, завалю экзамен.

В дверь заглядывает симпатичная девушка в футболке с эмблемой знаменитой рок-группы и спрашивает Марти, не видел ли он Харли. Нет, не видел, отвечает Марти. Откуда-то из коридора слышится плейер. Марти меняет кисти и подходит к мольберту. Работает он мелкими мазками.

– Я знал, что она давно живет здесь. Начал писать ей письма. Потом набрался духу и позвонил – раз, другой. Она тоже мне звонила. Хотела даже приехать на праздники, но что-то не получилось. Во всяком случае, мы постоянно держали связь друг с другом, и это было здорово. Честное слово. Когда я приехал сюда, маму часто видел, особенно по воскресеньям. Дважды заставал у нее гостей. Тогда она и познакомила меня с мистером Хорганом.

На меня накатывает волна переживаний, но я удерживаюсь от расспросов. Интересно, что он еще расскажет.

– Женщина она была занятая – работа и вообще. Мечтала сделать карьеру. Хотела даже на окружного прокурора когда-нибудь баллотироваться. Вы об этом знали?

Я медлю с ответом. Марти смотрит на меня испытующе.

– В прокуратуре многие считали, что так и будет.

– Вы-то сами хорошо знали маму? Работали вместе или как?

– Иногда работали вместе, – говорю я, но, видимо, он догадывается о том, что я не совсем откровенен с ним. – Вы начали рассказывать, как приехали сюда и встретились с мамой. Что тогда произошло?

Ему, кажется, не хочется говорить, но он привык слушаться взрослых. Поболтав кистью в банке с водой, он отвечает:

– Да ничего особенно. – Марти поворачивается ко мне, встряхнув гривой медно-рыжих волос, смотрит на меня в упор: – Она ничего не рассказывала о том, что было раньше, когда я был маленьким. Мне хотелось знать все, а она считала, что прошлое не в счет.

Я киваю, и минуту-другую мы оба молчим.

– Я, наверное, мало что для нее значил, понимаете? Нет, она хорошо ко мне относилась, но по большому счету ей было все равно. Поэтому мой предок и не хотел, чтобы я ехал сюда. Все эти годы он оправдывал маму, говорил: что было, то прошло. Он не хотел, чтобы я думал, что мама ушла из-за меня. Но сам-то он знал, из-за чего. – Марти кладет кисть. – Хотите знать правду? Это мистер Хорган уговорил меня пойти на похороны. Сам бы я не пошел. Не проститься с родной матерью – это ведь ужасно, правда?

– Не знаю, – пожимаю я плечами.

Марти снимает холст с мольберта и разглядывает его. Он видит, что я наблюдаю за ним, и, кажется, не возражает. Совсем юный, думаю я, и такой трогательный.

– Моя мама умерла, когда я учился в юридическом колледже, – негромко говорю я. – На следующий день я перестал разговаривать с отцом. Но он все равно уже собрался уезжать в Аризону. Полквартиры было заставлено коробками. Оказывается, он давно купил там участок и трейлер. И никому ни слова об этом. Если бы я не зашел домой, он уехал бы, даже не попрощавшись. Так иногда бывает – не складываются отношения между родителями и детьми.

Марти не отрываясь смотрит на меня. Его поражает моя откровенность.

– И что же тогда делать? – спрашивает он.

– Постараться стать взрослым. И жить по-своему. У меня есть сын, и я его очень люблю.

– Как его зовут?

– Нат.

– Нат, – повторяет Марти. – А у вас с мамой как было? Вы ведь не просто работали вместе, правда?

Задавая этот вопрос, он посмотрел на мое обручальное кольцо, рассчитывая на откровенность.

– Да, мы были близки в прошлом году, совсем недолго.

– А-а... – неодобрительно качает он головой. Конечно, лучше бы на моем месте был человек, которого с его матерью не связывали бы никакие отношения, но увы...

– Вот завалю физику и поеду домой.

Мне кажется, что это решение принято только что, но я молчу. Без комментариев – решение правильное. Я улыбаюсь – он мне симпатичен – и ухожу.

Глава 8

– Знаешь, что говорят в холле? – Липранцер имеет в виду Макграт-холл, где размещается полицейское управление города. – Говорят, что «миссия невыполнима». – Речь, разумеется, идет о расследовании убийства Кэролайн. – Каждый, приходя утром на работу, спрашивает: «Какие новости о невыполнимой миссии?» Похоже, не разгадать нам эту загадку. До выборов уж точно не разгадать. На хрена Хорган наобещал прессе, что мы с этим делом быстро управимся? Помалкивал бы, вместо того чтобы болтать, как мы вкалываем.

Рот у Липа набит, губы в соусе, но это не мешает ему раздраженно разглагольствовать. Мы стоим перед пустырем под автодорожным мостом. Пустырь постепенно превращается в свалку: глыбы развороченных бетонных плит с торчащей из них арматурой, старые автозапчасти, газеты, бутылки, рваные пакеты, смятые картонные стаканчики, брошенные посетителями заведения «Джаккалоне», что на другой стороне улицы. Эта итальянская лавочка – она из любимых забегаловок Липа. Здесь подают телячью отбивную под соусом, вложенную в венскую булку. Плотный ленч – единственное утешение старого холостяка, который не каждый день успевает пообедать. Банки с безалкогольными напитками мы поставили на скамью с отломленной спинкой, исписанную именами юных влюбленных.

По пути к машине Липа обмениваемся информацией. Я рассказываю о разговоре с Марти Полимусом, который, по сути, ничего не дал. Лип, со своей стороны, допросил соседку Кэролайн, которая в тот вечер видела у дома какого-то незнакомца.

– Эта миссис Крапотник жуткая трещотка. Обещала посмотреть альбомы с фотографиями уголовников, но мне при этом придется заткнуть уши.

– Что показал «Индекс»? – спрашиваю я. «Индекс» – это досье на насильников, которое ведет полицейское управление нашего штата.

– Ни хрена не показал.

– О веревках там ничего нет?

– Эта особа, о которой я толкую, говорит, что читала о чем-то в этом роде. Господи, чего только не читают люди!

Мы подходим к полицейскому ССП Липа – служебному средству передвижения, золотистому «таурису», ничем не примечательной машине, если не считать особо прочных покрышек и номера, который на любом ССП начинается с букв ПА и который знаком любому воришке в городе.

Едва мы садимся, Лип включает полную скорость и резко отрывается от тротуара. Полицейские и таксисты – люди, практически живущие в автомобилях, – любят быструю езду. Лип гонит к центру кратчайшим путем, поэтому должен проехать улицей Кинбарк. Это основная магистраль бедных кварталов, где я рос. Ближе к центру поток машин уплотняется, и Лип вынужден сбросить скорость. Сейчас, думаю я, сейчас. Милош, двоюродный брат отца, купивший у него пекарню, даже вывеску не поменял. На ней по-прежнему темно-синими буквами написано: «Булочная-кондитерская Сэбича».

Я работал там каждый день, но запомнилось немного: раздвижная стеклянная дверь летом, мимо которой мелькали тени прохожих, висевшие за прилавком противни, тяжелый кассовый аппарат со звонком. Первый раз меня привели сюда, когда мне было шесть лет – как-никак пара свободных бесплатных рабочих рук. Меня научили складывать картонные коробки для тортов и пирогов. Сделаю дюжину и тащу из затянутого паутиной подвала в лавку. Коробки были тяжелые, с острыми краями, и я часто резал пальцы и ладони. Увидев на коробке пятнышко крови, отец впадал в ярость: «Это тебе не мясная лавка!»

Почему-то мне помнится только лето, когда воздух в этой части города густеет, делается затхлым, как болотные испарения, да еще жар от печей. Я весь в поту – выронил из рук коробку с тортом. Слышу, как меня зовет отец, и страх, как кислота, разъедает все мое нутро.

Описать моего отца проще простого: лицо горгоны и сердце дракона. Его переполняли эмоции – они составляли суть его натуры, не было среди них места лишь для родительского чувства к ребенку. Заступиться, приласкать – об этом и речи не могло быть. Я был для отца просто личным имуществом – наравне с квартирой и мебелью, которую он постоянно ломал. Я был уверен, что мама меня любит, а папа – нет.

Отец каждый божий день с чувством глубокого удовлетворения открывал лавку, поднимал ставни, разжигал печь, а поздним вечером выметал с заднего крыльца мучную пыль и грязь. Четыре поколения мужчин в его роду были пекарями, и он делал то, чему его научили.

Понятный отец держался строгих, дома и в лавке всегда был один и тот же распорядок. Он не старался завлечь покупателей – для этого необходима хоть малая толика чувства юмора, которое у него начисто отсутствовало. Больше того – любого, кто входил в лавку, он рассматривал как потенциального врага, который будет торговаться, жаловаться на высокие цены и в конце концов возьмет вчерашний хлеб. Зарботки у отца были небольшие, но верные. Его считали честным торговцем. Он не любил нанимать людей, зато сам работал за двоих. Налоговую декларацию он не заполнял лет двадцать.

Отец приехал в Америку в 1946-м. Имя он мне дал по названию поселка, в котором он вырос, в двухстах километрах от Белграда. Когда в сорок первом пришли немцы, всех взрослых выстроили у школы и расстреляли. Детей пощадили, но они остались сиротами. Немногие уцелевшие подались в партизаны. Тогда все были партизанами. Моего отца, которому и восемнадцати не было, тоже не тронули – он выглядел гораздо младше своего возраста. Шесть месяцев он с партизанским отрядом скрывался в горах, потом попал в плен. До самого окончания войны он пробыл в лагерях – сначала в нацистском трудовом, затем, после освобождения Югославии, в союзническом лагере для перемещенных лиц. Родственники отца уговорили своего депутата в Скупщине² устроить ему переезд в Америку. Так он оказался в первой волне перемещенных лиц, получивших американское гражданство. Через год отец окончательно забыл тетку и двоюродных братьев, спасших ему жизнь.

Услышав разноголосый хор автомобильных гудков, я оглядываюсь, чтобы посмотреть, в чем дело, и вижу: человек за рулем позади нас отчаянно колотит по клаксону и делает угрожающие жесты в нашу сторону. Погруженный в свои мысли, я не заметил, что Лип остановился посередине полосы и машины медленно объезжают нас с обеих сторон. Ни один мускул не дрогнул на лице Липа. Он спокоен, как заросший пруд.

– Пришли результаты анализа пыли с пола, – говорит он наконец.

– Ну что там? Говори, не тяни за душу.

Лип дотошно пересказывает содержание заключения. На одежде и теле Кэролайн обнаружены мелкие ворсинки от ковра, которого нет в ее квартире. Ковер синтетический, его торговое название «Зорак V». Цвет модный – как у шотландского скотча. Где красили – установить невозможно.

Таких ковров промышленной и ручной выработки в домах и учреждениях округа Киндл может быть тысяч пятьдесят. Ни на пальцах, ни под ногтями Кэролайн не обнаружено ни обрывков волос, ни частиц кожи, что лишний раз подтверждает, что она, перед тем как ее связали, не сопротивлялась. Связана она была обычной бельевой веревкой, какую можно купить и в «Кеймарте», и в «Сирсе», и в «Уолгрине». Возле трупа был найден чужой волос. Установлено, что женский, и потому его посчитали несущественным обстоятельством.

– Не много же продвинулись с этим заключением, – говорю я.

² Название представительских органов власти в Югославии.

– Нисколько мы не продвинулись, – вторит Лип. – Зато теперь точно знаем, что она не сопротивлялась.

– И все же я не думаю, что убийцей может быть человек, которого она знала. И вообще странное это происшествие. Словно какой-то психопат нагрянул к ней ночью...

– И пристукнул ее?

– Может, этот жеребец подумал, что пристукнул, и сам перепугался. Создается впечатление, что у нас объявился свой Джон Белуши, который просто замечает следы.

Я не люблю детективные фильмы, но даже мне не нужно объяснять, что Джон Белуши – это киноактер, играющий преступников.

Лип недоверчиво качает головой.

– Ишь куда хватил. Заключение патологоанатома не дает к этому оснований.

– И все-таки пусть Кумачаи еще раз посмотрит.

– Кстати, он звонил мне пару дней назад. Сказал, что получил результаты химического анализа. Никакой зацепки в них нет. Будешь там, взгляни сам. А я сегодня встречаюсь с миссис Крапотник. Хочу показать ей фотки.

Лип закрывает глаза, морщится – нелегко будет выдержать эту процедуру.

Вот мы и в центре города. Лип ловко находит свободное местечко на полицейской стоянке, и, пробираясь сквозь толпу, мы шагаем к зданию муниципалитета. Весна, как это часто бывает, быстро переходит в лето. В воздухе уже разливается пьянящий аромат цветущих кустов и деревьев. Погода позволяет дамам и девушкам перейти на летнюю форму одежды.

– Да, братец, – вырывается у меня, – уперлись мы с тобой в стену.

Лип издает какой-то нечленораздельный звук.

– Ты заключение о пальчиках получил? – спрашивает он.

– То-то я чувствую, что что-то забыл.

– Ну и балбес же ты! – в сердцах бросает Лип. – Эти зануды не торопятся. Я уже два раза спрашивал.

Я обещаю связаться со спецами по пальчикам сегодня или завтра.

Мы подходим к моему кабинету. Я прошу Евгению ни с кем меня не соединять, закрываю дверь и достаю из ящика «папку П.», которую дал мне Хорган.

В папке всего три документа: запись, подтверждающая, что дело заложено в память нашего компьютера, листок с заметками, сделанными рукой Кэролайн, и ксерокопия длинного письма. Ничто не указывало на то, что именно было получено – оригинал письма или копия. Письмо было аккуратно напечатано на пишущей машинке, но явно не профессиональной машинисткой: поля узкие и ни одного отступа. Автор письма, очевидно, умел пользоваться машинкой, но делал это нечасто.

Я перечитал письмо раз пять и снова вчитываюсь в листок за листком:

Уважаемый мистер Хорган!

Пишу вам потому, что много лет являюсь вашим почитателем. Я уверен, что вы не знаете, что заставило меня взяться за перо. Мне кажется, что вы хотели бы вникнуть в причины, заставившие меня обратиться к вам и предпринять что-либо. Вероятнее всего, вы ничего не смогли бы сделать, потому что все это случилось давно. Но я подумал, что вам все равно полезно это знать. Это произошло, когда вы были окружным прокурором и один ваш подчиненный брал, по моему мнению, взятки. Этим летом исполнилось девять лет, как был арестован один человек, назову его Ноуэлом. Ноуэл – это не настоящее имя, иначе вы решили бы самолично поговорить с ним о вещах, которые я сообщаю в этом письме, и тогда он подумал бы, что сдал его я, и рассчитался бы со мной. Я хорошо знаю этого человека и знаю, о чем говорю. Короче, Ноуэла арестовали. За что – не так уж важно, но он стыдился того, что сделал. Такой уж он человек. Он опасался, что если о его проступке узнают люди, с которыми он работает, они не захотят иметь с ним ничего общего. Даже самые близкие друзья. Ему

назначили защитника, и тот убеждал его чистосердечно признаться в содеянном – мол, ему ничего страшного не грозит и никто не узнает. Но Ноуэл малость психованный, вот ему и втемяшилось в голову, что все равно все всё узнают. Потом он задумал откупиться. Сперва я подумал, что он шутит. Он был готов на все, но чтобы унизиться до подкупа – это на него не похоже. Вы бы сами поняли почему, если бы знали его. Но он гнул свое: надо откупиться. Обойдется ему это в полторы тысячи. Эта история хорошо мне известна – деньги дал ему я. Он запросто мог прокутить эти денежки, поэтому мне пришлось идти с ним. Мы дошли до Северного филиала на углу улиц Раньон и Сто одиннадцатой. Там нас встретила девушка-секретарша, которая, кажется, знала Ноуэла, и повела нас в кабинет прокурора. Как сейчас помню, на двери висела табличка с надписью крупными буквами: «Реймонд Хорган». Ноуэл велел подождать в коридоре. С перекугу я не стал возражать, и это было глупо с моей стороны. Ведь для того я и пошел с ним, чтобы посмотреть, как он будет отдавать деньги. Прождал я его в коридоре минут пять, не больше. Все пятнадцать сотенных он засунул в носок (я не шушу!) и, вернувшись, показал, что там ничего нет. Мне хотелось бежать оттуда куда глаза глядят, Ноуэл же был совершенно спокоен. Потом я спросил, как все было, но он не стал распространяться на эту тему – мол, это ради моего же блага.

Наверное, считал, что рано или поздно я забуду о долге и не потребую деньги назад. Правда, он тогда рассказал, что секретарша провела его в кабинет, усадила за стол и попросила немного подождать. Потом за его спиной появился какой-то мужчина и сказал, чтобы он, не оглядываясь, положил деньги в средний ящик стола и уходил. Ноуэл так и сделал. Через десять дней мой знакомый должен был предстать перед судом, и он опять начал психовать. Твердил, что его обманут, и вообще. Но когда мы пришли в суд, представитель обвинения объявил судье, что отзывает иск. Я старался вспомнить имя обвинителя, но не смог. Раза два спрашивал у Ноуэла, как зовут человека, которому он дал взятку, но тот отвечал, что это не мое дело. Потому я и пишу вам это письмо. Ноуэл не показывается вот уже два года. Честно говоря, это не самый дурной его поступок, но дача взятки – единственное, о чем я знаю достоверно. Я не собираюсь мстить Ноуэлу, но прокурор не должен был брать деньги, поэтому я решил написать вам, чтобы вы могли что-нибудь предпринять. Правда, два человека, которым я рассказал эту историю, не называя, конечно, никаких имен, считают, что вы ничего сделать не сможете, поскольку истек срок давности. Но ведь такие безобразия, наверное, происходят и сейчас. Хочется верить, что это не так. Я также надеюсь, что вы призовете Ноуэла к ответу, но не надо говорить, что узнали о случившемся от меня. Вас могли проинформировать другие люди. Когда будете беседовать с Ноуэлом, умоляю не показывать это письмо. Я ДОВЕРЯЮ ВАМ!

Такие письма приходят в прокуратуру пачками. Отвечать на них и беседовать с психически нездоровыми людьми поручено двум инвалидам. Корреспонденция, содержащая хоть какую-нибудь серьезную информацию, идет обычными каналами. Вероятно, и это письмо попало к кому-нибудь из прокуроров и от него к Реймонду. При всей наивности и забавных поворотах мысли в этом письме угадывалось что-то настоящее. Немудрено, что Реймонд не хотел, чтобы оно ходило по рукам в преддверии выборов. Нико был бы рад иметь сведения о нераскрытых преступлениях, совершенных в период руководящей работы Реймонда. По предположению автора письма, история с Ноуэлом – отнюдь не единичный случай. Короче говоря, налицо скандал: круговая порука взяточников в одном из филиалов городского суда.

Липранцер долго молчит, потом закуривает сигарету.

– Думаешь, бред? – спрашиваю я.

– Не-е, тут что-то есть. Может, не то, о чем пишет этот чудик, но все равно...

– Считаешь, стоит разобраться?

– Разобраться не повредит. Мы пока что не завалены уликами.

– Я тоже так думаю. Из записей Кэролайн следует, что этот Ноуэл и его дружок – гомосексуалисты. – Я снова просматриваю ее бумаги (она переписала номера нескольких параграфов из главы «Аморальное поведение» в Уголовном кодексе нашего штата). – Помнишь, примерно в то же время мы несколько раз прочесывали городской парк и пачками вылавливали педиков? Дела на них заводились в Северном филиале.

Лип кивает. Все совпадает: и щекотливый характер преступления, и желание во что бы то ни стало скрыть его, и время. В течение первого срока пребывания Хоргана в должности лица зрелого возраста, заподозренные в совершении полового преступления с обоюдного согласия, уголовному преследованию практически не подвергались. Из полиции исправно поступали протоколы, но мы откладывали их в долгий ящик: были дела поважнее. Когда началась кампания за переизбрание Реймонда, преступники, особенно проститутки и гомосексуалисты, совсем распоясались. Больше всего хлопот доставляли последние, буквально наводнившие общественные парки. Родители только по утрам водили туда детей. Мне довелось прочитать несколько красноречивых жалоб на то, что происходит среди бела дня на вкопанных для пикников столах, предназначенных, как справедливо указывала моя матушка, только для еды. За девять месяцев до выборов мы принялись усиленно прочесывать парки. Каждую ночь гомосексуалистов задерживали десятками, многих буквально на месте преступления. Эти дела в суде обычно заканчивались штрафами или административными взысканиями, и задержанных отпускали – до следующей встречи с полицией.

Мы с Липом понимали, что разыскать Ноуэла трудно. В то лето было зафиксировано четыре сотни подобных случаев, а мы даже фамилии его не знали. Может быть, Кэролайн и успела продвинуться в этом деле, но письменных подтверждений тому не было. Она занялась им, судя по дате на обложке папки, приблизительно за пять месяцев до гибели, и оперативно-следственных мероприятий было проведено мало. В верхнем углу было написано и трижды подчеркнуто: «Ноуэл», а пониже – «Леон». Сначала я не понял, что к чему, но потом сообразил, что имя автора письма – наверняка псевдоним, выбранный по ассоциации с чем-либо или представляющий собой анаграмму. Надпись «Кеннили» внизу того же листа подсказывала, что речь идет о полицейском Лайонеле Кеннили. Мы вместе вылавливали «Ночных ангелов». Сейчас он начальник смены в Сорок втором отделении. Дела оттуда слушаются в Северном филиале.

– До сих пор не понимаю, почему я ничего не слышал об этом деле, – говорю я Липу. – Никаких процедурных причин, помешавших руководству проинформировать меня, не было, как не было и причин передать дело Кэролайн, которая никогда не занималась коррупционными преступлениями. Может быть, дело в угасающем «романе» между Реймондом и мной...

– А что говорит Хорган? – спрашивает Лип.

– Не могу его поймать. Он словно на круглосуточной операции. До выборов-то всего двенадцать дней.

– А Кеннили – от него что-нибудь узнал?

– Он в отпуске.

– Ты с ним обязательно поговори. Мне он ничего не скажет. Мы за разные команды болеем.

В управлении полно людей, с которыми Лип не ладит. Казалось бы, он должен был подружиться с Кеннили, так как уважает дельных служаек. Тем не менее между ними пробежала черная кошка.

Лип открывает дверь, собираясь уйти. Я за ним – поговорить с Евгенией. Внезапно он удерживает меня за локоть, прикрывает дверь.

– Еще один момент, – говорит он. – Мы получили сведения из телефонной компании.

– Ну и что?

– Ничего особенного. Мне нужно было знать номера телефонов, куда она за последние полгода звонила больше трех раз.

– Ну и?..

– Один из таких номеров твой.

– Служебный?

Лип суживает глаза.

– Домашний, – говорит он. – В октябре прошлого года.

Я уже собирался сказать, что этого не может быть, что Кэролайн никогда не звонила мне домой, и вдруг соображаю, в чем дело. Это я звонил от Кэролайн домой. Звонил, чтобы соврать жене. «Приходится снова задержаться, дорогая. Труднейший попался случай. Я здесь поужинаю, хорошо?»

Лип видит: я затрудняюсь с ответом. Взгляд его бесстрастен.

– Постарайся забыть об этом, – выдавливаю я наконец. – Если Барбара увидит повестку из телефонной компании, будет скандал. Буду тебе очень признателен.

Лип кивает, но я вижу, что это ему не нравится. Между нами существует молчаливое соглашение не обманывать друг друга – в его серых глазах немой укор.

Глава 9

– В конце концов, – сказал я Робинсону, – нам пришлось выставить Вендела Макгафена в качестве свидетеля. Его показания стали самым серьезным опровержением слов Макгафена-старшего.

Кэролайн была великолепна. На ней был темно-синий костюм и бежевая блузка с шелковым бантом. Мальчик сидел на свидетельской скамье, ноги его не доставали пола.

«И что потом сделала твоя мама?» – спросила Кэролайн.

Малыш попросил попить.

«Когда мама отвела тебя в подвал, что она сделала, Вендел?»

«Пугала меня», – отвечал тот.

«Пугала вот этим?» – Кэролайн подошла к столу, за которым сидели представители обвинения, и показала на громоздкие по сравнению с худенькими ручонками Вендела грязные, замасленные тиски.

«Угу».

«Она делала тебе больно?»

«Угу».

«Ты плакал?»

«Угу. – Малыш отпил еще воды и добавил: – Сильно плакал».

«Расскажи, как это случилось», – ласковым голосом попросила Кэролайн.

«Она велела мне лечь, я плакал, просил: „Мамочка, не надо“».

Но она заставила его лечь и не кричать.

Вендел говорил, болтая ногами и прижимая к груди куклу. Он ни разу не взглянул на свою мать – так научили его Кэролайн и Маттингли. Во время перекрестного допроса Стерн мало чего добился. Он спросил мальчика, сколько раз он разговаривал с Кэролайн и любит ли он свою маму. Тогда малыш снова попросил попить.

Прений сторон, в сущности, не было. Все понимали, что Вендел говорит правду – и не потому, что его научили так говорить, и не потому, что он вызывал жалость, а потому, что каждое его слово свидетельствовало о том, что и сам ребенок осознает, что с ним поступили дурно.

Заключительное слово обвинения предоставили мне. Я был так взволнован, что не знал, с чего начать. Меня охватила паника – казалось, я не смогу выдать ни одной фразы. И вдруг меня прорвало. Я горячо и убедительно говорил о маленьком человеке, который жил в постоянном страхе, который, как и все мы, жаждал любви, но не только наталкивался на равнодушие и грубость, но и подвергался мучениям.

Ожидание вердикта присяжных подобно замедленной съемке – люди, как персонажи фильма, заметно «притормаживают». Не хотелось ничего делать: ни собирать бумаги на столе, ни отвечать на телефонные звонки, ни просматривать поданные записки. Я вышел в коридор и стал прохаживаться взад-вперед, попутно рассказывая любопытствующим, как выступали свидетели и юристы. Около четырех подошла Кэролайн и сказала, что ей нужно зайти в «Мортон». Я вызвался проводить ее. Как только мы вышли на улицу, начался ливень. Холодный ветер хлестал дождевыми каплями. Прохожие бежали по тротуару, прикрывая головы. В магазине Кэролайн вернула свою покупку – хрустальную вазу, потому что ей не удалось установить, где она изготовлена, и мы снова оказались под дождем. Порывы ветра заглушали наши голоса. Я приобнял Кэролайн за талию, а она прижалась ко мне, чтобы укрыться от дождя под зонтом. Обоюдная скованность исчезла, и мы прошли так несколько кварталов.

«Послушай, – начал я и умолк. – Послушай...»

В туфлях на высоких каблуках Кэролайн приблизительно на дюйм выше меня. Она повернулась ко мне лицом, мы остановились и стояли, словно обнявшись.

При естественном освещении я иногда замечал то, что Кэролайн пыталась скрыть с помощью кремов, гимнастических упражнений и модных нарядов, – возраст за сорок, морщинки, кое-где дряблость кожи, усталые глаза. Удивительно, но такой она была мне ближе.

«Я все думаю, что ты имела в виду, когда вчера вечером сказала: потом, все потом».

Кэролайн покачала головой, как будто не понимала, о чем речь, но затем ее лицо приняло загадочное выражение, а губы едва сдерживали улыбку.

Снова налетел ветер, и я увлек ее в глубокую витринную нишу. Мы находились уже на бульваре Грейсона, где перед магазинами растут густые вязы. Я чувствовал себя маленьким, жалким, беспомощным.

«Мне кажется, что между нами что-то происходит, – пробормотал я. – Как ты думаешь, я не сошел с ума?»

«Думаю, что не сошел».

«Правда?»

«Нет, не правда».

«А-а...» – протянул я.

Улыбаясь, она взяла меня под руку, и мы пошли назад.

Присяжные вышли в зал заседаний около семи часов вечера. Миссис Макгафен была признана виновной по всем пунктам обвинения. До вынесения вердикта Реймонд оставался в своем кабинете, потом сошел вниз встретиться с прессой. Телевизионщики допускались только в вестибюль здания. Затем он повел нас с Кэролайн выпить в ресторан «Катальеро», но на 20:30 у него была запланирована какая-то встреча, и он оставил нас вдвоем в уютной кабинке. Мы разговаривали, пили и постепенно хмелели. Я говорил Кэролайн, что она была великолепна. Просто великолепна. Не знаю, сколько раз я повторил это.

Телевидение и кино портят самые сокровенные минуты в нашей жизни. Вместо того чтобы сказать что-то свое, идущее из самого сердца, излить душу другу или женщине, мы повторяем затертые слова, заученные жесты, нелепые ужимки, услышанные и увиденные на экране. У семейства Кеннеди мы переняли выражение скорби, у спортсменов – знак победы: растопыренные указательный и средний пальцы, который они сами заимствовали из «ящичка». Женщину мы тоже соблазняем по правилам: жалкие и жадные взгляды, притворные вздохи, нарочито сбивчивая речь. Мы сидим, неестественно выпрямившись, как красивые благородные пары в кино. И тем не менее атмосфера густела. Между нами пробегали какие-то токи, мешавшие оставаться неподвижными, заставлявшие поднимать бокал, говорить. По-моему, мы даже не заказали полный ужин, хотя оба вертели в руках меню, как вертит шелковым веером кокетка. словно случайно ладонь Кэролайн оказалась рядом с моим бедром.

«Я совсем не знал тебя, пока не началось это».

«Что – это?»

Мы сидим близко друг к другу, но я говорю тихо, и Кэролайн наклоняется ко мне еще ближе. Я чувствую запах спиртного в ее дыхании.

«До этого суда я не знал тебя, и это меня удивляет». – «Почему?» – «Удивляет, что не знал. Сейчас все меняется». – «Теперь ты меня знаешь?» – «По-моему, знаю лучше. Тебе не кажется?» – «Кажется. Но может быть, теперь ты хочешь знать меня еще лучше?»

«Не исключено», – говорю я.

«Не исключено», – вторит она мне.

«И я узнаю тебя?» – «Не исключено. Если ты действительно этого хочешь». – «Думаю, что хочу». – «А я думаю, что ты не только этого хочешь». – «Не только этого?» – «Не только».

Не отводя от меня глаз, Кэролайн поднимает бокал. Наши лица совсем близко друг от друга. Она ставит бокал на стол, и бант ее блузки задевает мне подбородок. Косметика огруб-

ляет ее черты, но глаза блестят. Я ощущаю аромат ее духов и запахи наших сблизившихся тел. Как сокол, часами парящий над холмами, плавно плывет по кругу наш разговор.

«Чего же еще я хочу?» – «Наверное, сам знаешь». – «Сам знаю?» – «Думаю, да». – «Я тоже так думаю. Но есть еще одно, чего я не знаю». – «И что же это?» – «Я не знаю, как добиться чего хочу». – «Не знаешь?» – «Не совсем». – «Не совсем?» – «Вернее, совсем не знаю», – вырывается у меня.

Кэролайн многообещающе улыбается.

«Протяни руку», – говорит она.

«Что?» – «Протяни руку». – «Прямо здесь?» – «Прямо здесь».

Воздух так наэлектризован эмоциями, что я чувствую себя как в тумане. Протягиваю руку и касаюсь кончика ее яркого шелкового банта, стараясь не дотронуться до груди. Потом, не спуская с нее глаз, я трепетно тяну ленту. Она скользит, узел развязывается, я вижу пуговицу на блузке. И в этот момент чувствую, как ее пальцы поглаживают мой набухший член. Я чуть не вскрикиваю, а Кэролайн тихо говорит, что нужно вызвать такси.

– Так началась наша связь, – сказал я Робинсону. Я отвез Кэролайн в ее прелестную квартирку и взял ее на полу, на персидском ковре. Как только она заперла входную дверь, я задрал ей одной рукой юбку, а другой схватил за грудь. Налетел на нее коршуном – как истинный джентльмен, правда? Потом я лежал на ней, оглядывая комнату. Стены, обшитые тисовыми и ореховыми панелями, расставленные повсюду хрустальные фигуры (ни дать ни взять витрина модного магазинчика!), и тоскливо думал, какого дьявола я разрушаю семью, ведь удовольствие от утоленной страсти проходит так быстро, – просто не верится, будто вообще что-то произошло. Впрочем, поразмышлять как следует над этим не получилось, потому что мы выпили и пошли в спальню посмотреть по телевизору, как проходило слушание нашего дела. Потом я снова почувствовал прилив мужской силы и бросился на Кэролайн, понимая, что погиб.

Глава 10

– Все, что могу, для тебя сделаю, Расти. Все, что тебе нужно, – говорит Лу Балистриери, начальник особого подразделения в нашем полицейском управлении. Я сижу в его кабинете в Макграт-холл, где размещаются главные оперативные отделы. Трудно сказать, сколько здесь служит таких, как Лу, – мужиков седых, под шестьдесят, с обвисшими, словно седельный выюк, животами и хрипловатыми от курева голосами. Прирожденный чиновник-бюрократ, Лу высокомерен, безжалостен с подчиненными и бесстыдно угодлив с любым, от кого зависит его карьера. У него в руке телефонная трубка. Он звонит в лабораторию, которая находится в его ведении.

– Морис? Это я, Балистриери. Дай мне Дикермана. Да, срочно. Вытащи его из сортира, если он там. – Балистриери подмигивает мне. Двадцать лет он топтал городские мостовые, но сейчас на нем пропотевшая под мышками рубашка из искусственного шелка. – Дикерман? Я по поводу этой истории с Полимус. У меня тут Расти Сэбич сидит. Кто? Сэбич, мать твою за ногу! Заместитель Хоргана, улавливаешь? У нас там где-то стакан с места происшествия. Да, с пальчиками, я знаю, потому и звоню. Чего-чего? Да, я такой. Забудешь, яйца оторву и отправлю на заслуженный отдых. Вот именно. Я что звоню. Можем мы этой лазерной штуковиной прогнать через компьютер наш альбомчик с отпечатками пальцев? Да. У тебя там три пальчика на стакане, знаю. Вот и посмотри, не совпадают ли они с какими нашими. Этот – как его? – отпросился на полторы недели; выходит, тебе самому придется этим заняться. Что, Мерфи? Который – Лео или Генри? Генри не поручай – тут голова нужна. Лео? Это хорошо. Скажи ему, что и как. Нет, мне распечатка не нужна, все равно ни хрена не смыслу. Давай выясняй. Даю тебе десять минут, усек? И сразу звоню.

Через десять минут выясняется, что единственный в управлении компьютер числится за другим отделом и сейчас на нем гонят важные документы.

– Хорошо, я спрошу, спрошу, – говорит Балистриери, прикрывая трубку ладонью. – Им нужно знать объем поиска. Ограничиться уголовниками или пробежать по всем, у кого снимали отпечатки пальцев, – государственным и муниципальным служащим, вообще по подобной публике?

Я на секунду задумываюсь.

– Вероятно, можно ограничиться уголовниками. Если понадобится, потом посмотрим остальных.

Балистриери гримасничает.

– Давай сразу всех. Еще неизвестно, когда мы снова сможем заполучить этот проклятый компьютер... Дикерман, давай побыстрее, понял... Нельзя? Ты что, охренел? Сэбич расследует самое громкое убийство в городе и должен кланяться всякой шпане? Скажи Мерфи, чтобы отложил все дела. Скажи, я приказал. Действуй. – Балистриери кладет трубку. – Неделя, говорит, потребуется, а то и дней десять. Сначала им надо составить платежную ведомость. Потом шеф должен представить в АПОП какие-то цифры. – Забавная аббревиатура расшифровывается как Администрация помощи органам правопорядка. – Я буду нажимать, но быстрее вряд ли получится. Кстати, пусть твой помощник принесет из хранилища вещдоков этот стаканчик. В лаборатории меченая склянка наверняка понадобится.

Я благодарю Лу и направляюсь в морг. Здание, где он размещается, отчасти напоминает старую школу: полированные панели на стенах и потертые полы. По коридорам, перебрасываясь шутками, шныряют полицейские в темно-синих рубашках и черных галстуках. Среди них немало женщин. Люди моего поколения и социального положения не любят легавых. Раньше они не пропускали ни одного подростка, чтобы дать ему затрещину и обнюхать на предмет наркоты. Образованностью и хорошими манерами не блещут. Став прокурором, я держался от

них подальше, да и потом, проработав с полицией много лет, мало с кем сблизился. Некоторые полицейские мне нравятся, но большинство – нет. Почти у всех два существенных недостатка: грубость и несдержанность. Слишком уж много грязи приходится им видеть каждый день.

Недели три назад мы с одним полицейским по имени Палуччи засиделись, угощая друг друга, в баре «У Джила». Пару раз он разбавил очередную порцию спиртного пивом и начал рассказывать о том, как утром нашел засунутое в пластиковый пакет человеческое сердце. Да, сердце с торчащими из него сосудами. Пакет валялся возле мусорного бака в каком-то тупичке. Он поднял его, посмотрел содержимое, положил в багажник и уехал. Потом заставил себя вернуться, поднял крышку бака. Больше никаких человеческих органов там не было.

– Так вот оно было. А пакет с сердцем я доставил в управление.

Это кошмар! Мы платим налоги, чтобы содержать психов. В пасмурный день легавый подозревает каждого прохожего. Ты скажешь ему: «Доброе утро!» – а он усматривает в приветствии преступный сговор. Такое вот оно, полицейское братство, возвращенное в гуще народа, убежденное, что в каждом из нас сидит уголовник.

На лифте спускаюсь в подвальное помещение.

– Здравствуйте, доктор Кумачаи, – приветствую я судебно-медицинского эксперта. За стеной его кабинета столы из нержавеющей стали и тяжелый запах вскрытых полостей, слышится визг хирургической пилы. Стол завален бумагами и прессой, с краю – небольшой телевизор. Передают бейсбольный матч. Звук приглушен.

– Мистер Сэбич, какая честь – к нам пожаловал заместитель окружного прокурора!

Кумачаи – странный во всех отношениях низкорослый японец с густыми бровями и маленькими усиками с выбритой посередине полоской, вертлявый непоседа, говорит, отчаянно жестикулируя. Хороший специалист, но человек недобрый. Такой может осыпать собеседника проклятиями и даже кинуть в него тяжелым предметом. Неизвестно, кто решил, что Кумачаи лучше всего проявит себя, работая с жмуриками. Я не могу представить его у постели больного. Какая бы мыслишка ни взбрела ему в голову, она непременно вырвется наружу. Временами кажется, что на земле великое множество таких, как он. Я не понимаю его. Для меня он загадка. Производит ли он вскрытие, смотрит ли телевизор, ухаживает ли за женщиной – трудно даже представить, что он при этом думает. Я точно знаю, что проиграю пари, пытаюсь угадать, чем он занимался вечером в прошлую субботу.

– Я, собственно, пришел за вашим заключением. Вы сказали Липранцеру, что оно готово.

– Как же, как же, где-то здесь оно. Этот задрыга Липранцер хочет, чтобы ему немедленно все докладывали.

Чтобы найти заключение, Кумачаи начинает рыться в бумагах на столе.

– Похоже, вы недолго пробудете заместителем окружного. Похоже, Нико делла Гуарди Хоргана под зад коленом, а? – Кумачаи смотрит на меня и улыбается, как делает всегда, говоря собеседнику неприятные вещи.

– Поживем – увидим, – коротко говорю я, но потом решаю перейти в наступление. – Вы с Делягарди друзья-приятели, доктор?

– Нико – хороший человек, классный специалист. Вот сядет в кресло, тогда задаст жару всем этим адвокатам-защитникам. Ага, вот оно. – Он протянул мне бумаги и уткнулся в телевизор. – Гляньте на нашего Дейва Паркера. Немного порошочка в одну ноздрю – и какой мяч, какой мяч!

Мысль о связи Нико и Кумачаи не приходила мне в голову, а между тем она объяснима: прокурор, передающий в суд дела об убийствах, и полицейский патологоанатом. Они нужны друг другу.

Я спрашиваю Кумачаи, могу ли я присесть на несколько минут.

– Само собой. – Он отодвинул кипу газет и снова уткнулся в телевизор.

– Мы с Липранцером разрабатываем одну версию. Впрочем, это не версия, а пока что только идея. Кэролайн вела опасную жизнь. Может быть, у нее была рискованная связь, которая завершилась крупной ссорой. И когда ее возлюбленный понял, что она уже не дышит, он стукнул ее по голове, чтобы запутать следы. Как, по-вашему, это возможно?

– Ни черта подобного.

– Почему?

– Потому. Полицейские – тупицы. Из мухи делают слона и наоборот. Читайте мое заключение. Там все написано. Липранцер подгонял меня как бешеный, а теперь оно валяется, никому не нужное.

– Вы имеете в виду это заключение?

– Нет, другое – с результатами аутопсии. Кто-нибудь видел у нее ссадины на лодыжках, коленях или запястьях? Никто не видел. Дамочку угробили ударом в голову, а не задушили. Читайте выводы вскрытия.

– Да, но она была все-таки связана, и связана крепко. На фотографиях виден след от веревки на шее.

– Знаю, знаю. Когда ее привезли, она была вся перетянута. Преступник затягивал веревку все туже и туже. Должна была остаться глубокая ссадина, а у нее только чуть-чуть повреждена кожа.

– И что это, по-вашему, значит?

Кумачаи улыбается. Не любит до поры до времени раскрывать карты. Снова вперивается в телевизор. На лбу отблески экрана.

– Немного повреждена кожа – о чем это говорит?

Я терпеливо жду ответа. Телекомментатор хвалит очередной бросок.

– Вы вынуждаете меня вызвать вас для дачи показаний повесткой, – говорю я улыбаясь, но в голосе у меня звучит металл.

– Чего-чего?

– Немного повреждена кожа – о чем это говорит?

– О том, что дамочку сперва связали. Устраивает?

Несколько секунд я перевариваю информацию. Кумачаи знает, что я теряюсь в догадках.

– Подождите, – говорю я. – Я считал, что преступник ударил Кэролайн, чтобы утихомирить ее. Удар оказался смертельным, но наш клиент этого не знает или не хочет знать. Он связывает ее и насилует, причем делает это одновременно. Правильно я понимаю, или вы изменили свое мнение?

– Изменил мнение? Читайте заключение и не говорите, чего не знаете. Может, это только так выглядит – связывает и насилует. Это легавые так думают, а не я.

– Хорошо, а вы как думаете?

Кумачаи улыбается, пожимает плечами.

– Послушайте, – говорю я, – мы десять дней бьемся над раскрытием этого преступления, и только теперь я узнаю, что он сначала накинул ей на горло веревку. Вы должны были давно сказать мне об этом.

– Надо было спросить. Задрыга Липранцер звонит, давай, говорит, скорее заключение. Я даю заключение, но никто не спрашивал, что я об этой истории думаю.

– А сейчас я спрашиваю.

Кумачаи откидывается на спинку кресла.

– Может быть, я вообще ничего не думаю.

Ну и тип... Либо он еще больший стервец, чем я думал, либо тут кроется какой-то умысел. Я мысленно перебираю факты.

– Вы хотите сказать, что сначала она была изнасилована, а уж потом связана?

– Потом связана, да. Изнасилована? Теперь думаю, нет.

– Именно теперь?

– Именно теперь. – Мы не отрываясь смотрим друг на друга. – Читайте заключение.

– О вскрытии?

– Нет, другое. Вот эту бумагу.

Он показывает на папку, которая у меня в руках. Открываю ее. Это заключение, подготовленное в химической лаборатории. Читаю. Оказывается, во влагалище Кэролайн Поли-мус обнаружено еще одно вещество – ноноксинол-9. Он входит в состав спермицидной пасты. Поэтому и не были обнаружены сперматозоиды, обладающие оплодотворяющей способностью.

Кумачаи нахально улыбается во весь рот.

– Вы утверждаете, что эта женщина пользовалась противозачаточными средствами?

– Утверждаю. Эта дамочка пользовалась контрацептивной пастой, колпачок ею смазывала.

– Колпачок? – медленно переспрашиваю я. – И вы не заметили его во время вскрытия?

– Ни черта подобного! – Кумачаи ударяет кулаком по столу и хохочет во все горло. – Вы же присутствовали при аутопсии, Сэбич. Видели, как разрезали эту дамочку. Никакого колпачка.

Я смотрю на него, стиснув зубы.

– Куда же он делся?

– Хотите знать мое мнение?

– Будьте любезны.

– Его забрали.

– Кто, полицейские?

– Полицейские – тупицы, но не до такой степени.

– Кто же тогда?

– Не полицейские и не я. Должно быть, ваш клиент.

– Убийца?

– Больше никому.

Я снова перечитываю заключение химиков, и многое проясняется. Я стараюсь сдерживаться, но меня пробирает злость. Чувствую, как кровь бросилась мне лицо. Кумачаи, конечно, все видит. Четверть часа промотав мне душу, он наконец снисходит до объяснения. Вероятно, считает, что рано или поздно я сам все пойму.

– Хотите знать, что я думаю? Я думаю, что все это подстроено. Дамочку пришел ее любовник. Он приходит, они выпивают, занимаются любовью. Все вроде бы нормально. Но что-то вдруг пошло не так. Он хватает, что попало под руку, бьет ее по голове, потом старается представить все так, чтобы это выглядело как изнасилование. Он связывает ее, извлекает колпачок – и будь здоров. Вот что я думаю.

– А что думает Томми Мольто? – спрашиваю я.

Поганец Кумачаи видит, что я загоняю его в угол, но все же криво улыбается и даже пытается рассмеяться, но получается это у него плохо.

Я возвращаю ему заключение и тут замечаю, что на нем дата – пять дней назад. Показываю ему надпись, сделанную его же рукой: «Мольто 762–2225».

– Не желаете записать номер, чтобы позвонить Мольто, когда понадобится?

Кумачаи берет себя в руки и разыгрывает роль добродушного простака:

– О, Томми – хороший человек, хороший.

– Как он поживает?

– Хорошо поживает, хорошо.

– Попросите его позвонить нам. Я постараюсь разобраться, почему оно так медленно движется, наше следствие.

Я встаю с кресла и, направив палец на Кумачаи, обращаюсь к нему по прозвищу, которое он терпеть не может, потому что оно унижает его достоинство как хирурга.

– Мистер Мясник, передайте Нико и Мольто, что они ведут грязную игру. Полицейское управление тоже ведет свою игру. Благодарите Бога, если я не привлеку их и вас к ответственности за то, что умышленно препятствуете проведению следствия.

Я забираю из рук Кумачаи заключение и ухожу, прежде чем он успевает сказать что-либо. Сердце у меня бешено стучит и дрожат руки. Реймонда, разумеется, в здании муниципалитета нет. Прошу Лоретту, чтобы он срочно связался со мной. Ищу Лидию – она куда-то вышла. Иду к себе в кабинет, сажусь и начинаю мрачно размышлять. До чего же хитроумны, сволочи! Делают только то, что мы просим, и ни на йоту больше. Сообщают результаты экспертизы, но собственное мнение держат при себе. Сообщают, что готово заключение химической лаборатории, но о его содержании – молчок. Чтобы мы подольше побегали по ложному следу. А тем временем происходит утечка информации. Каждый мой шаг становится известен Мольто. Это бесит меня больше всего. Господи, какая же все-таки грязная штука – политика. А полицейское управление еще грязнее. Даже при правлении рода Медичи не было столько интриганства. С кем дружишь и с кем враждуешь, кому предан по гроб жизни и кому изменяешь – каждый поступок и каждый твой шаг становятся известны всем и каждому. Депутату муниципалитета, избранному от твоего округа, твоему букмекеру и твоей любовнице. Родне со стороны жены, твоему брату-бездельнику, продавцу в скобяной лавке, с которым торгуешься из-за фунта гвоздей. Новобранцу, за которым нужен глаз да глаз, наркоману, чья откровенность действует тебе на нервы, доносчику, от которого бежишь как черт от ладана. Инспектору, когда-то выдававшему твоему дядюшке лицензию на торговлю спиртным, или лейтенанту, который сцепился с мэром и рассчитывает вскорости стать капитаном, а то и майором. Твоему приятелю, с кем на пару снимаете квартиру, твоему соседу, твоему участковому полицейскому. Каждому нужно расслабиться, отвести душу, что-то кому-то рассказать и людей послушать.

И ты даешь им повод. Полицейскому управлению большого города, например в округе Киндл, где не знают, что это такое – жить по уставу. Устав устарел и давно заброшен. И каждый из двух тысяч человек в темно-синих рубашках играет за свою команду. Мясник, как и все остальные, просто играет за своих. Может быть, Нико пообещал сделать его следователем-коронером?

Звонит телефон. Это Лидия. Я иду в смежный кабинет, к ней.

– Ну вот, – говорю я, – наконец-то мы знаем, что затеял Томми Мольто.

Глава 11

Уходя домой, я вижу свет в кабинете Реймонда. Почти девять вечера – наверное, его задержал поздний посетитель. После разговора с Кумачаи три дня назад я сделался раздражительным и подозрительным и поэтому немного удивлен, видя Реймонда, сидящего над компьютерной распечаткой в непривычной для него спокойной позе и дымящего трубкой. Редкое зрелище на данный момент. Обычно Реймонд много работает и частенько засиживается над кипой бумаг, но теперь, когда его должность как бы выставлена на продажу, вечера он проводит, выступая перед избирателями. Когда же он бывает здесь, приезжают Ларрен и другие члены его предвыборного штаба.

Постучав костяшками пальцев в старую дубовую дверь, захожу к нему, спрашиваю:

– Гадание на кофейной гуще?

– Вроде того, только результаты, к сожалению, поточнее. – И зачитывает дикторским тоном: – «Опрос, проведенный Третьим каналом и „Трибюн“, показывает, что за восемь дней до выборов претендент на пост окружного прокурора округа Нико делла Гуарди немного опережает действующего окружного прокурора Реймонда Хоргана».

– Ерунда! – коротко бросаю я.

– Сам почитай. – Реймонд пододвигает мне бумагу. Листок испещрен цифрами, в которых я не могу сразу разобраться.

– Смотри нижнюю строку, – говорит Реймонд.

– «Н» – это неопределившиеся? – спрашиваю. – За Нико – сорок три процента, за тебя – тридцать девять. Ну, разрыв пока небольшой.

– Как только публика увидит, что у Делягарди появился шанс, будут голосовать за него. Новое лицо на выборах всегда притягивает, как новый товар в витрине. – Как политик Реймонд обладает пророческим даром, тем более что рассчитывать и предвидеть ему помогают Майк и Ларрен.

Я стою на своем:

– Конечно, последние две недели были трудные. Нико хорошо разыграл карту Кэролайн. И пусть пока порадуется, а там... Насколько, кстати, велика вероятность ошибки при опросе?

– Около четырех процентов. Но неизвестно, в какую сторону.

Майк Дьюк, говорит он, сейчас как раз поехал на телестудию убеждать народ, что в предвыборной гонке оба кандидата идут, что называется, ноздря в ноздю. Ларрен, уже побывавший с той же целью в «Трибюн», добился от редакторов согласия, что мнение газеты совпадет с мнением Третьего канала. «Позиция нашего органа по вопросу о результатах совместного опроса не противоречит позиции телевизионного канала», – цитирует, попыхивая трубкой, завтрашний материал Реймонд.

– Уверен, они сдержат обещание, бросят мне эту кость, но что толку? Цифры – это цифры. Они посильнее слов. В городе скоро почувствуют, что мясо-то с запашком.

– А каковы твои подсчеты?

– Ни хрена хорошего.

У сторонников Реймонда было мало денег, чтобы провести кампанию на высоте. Но и Ларрен, и Майк, и сам Реймонд считали, что положение отнюдь не безнадежное.

– Ты прав насчет Кэролайн. Ее убийство здорово нам повредило. И главное – мы потеряли темп. – Реймонд откладывает трубку и смотрит мне прямо в глаза. – Мы проиграли, Расти. Я тебе это первому говорю.

Я вижу изможденное лицо Реймонда Хоргана, моего друга, моего начальника, моего кумира. Руки скрещены на груди, он совершенно спокоен. Прошло двенадцать с половиной лет после того, как Реймонд заговорил о перестройке системы правопорядка, и вот он поки-

дает свой пост. Нам обоим пошло бы на пользу, если бы это произошло на год-два раньше. Теперь перестраивать систему, если появится такое желание, будет другой. Недоумкам, которые утверждали, что принципы и идеи играют первостепенную роль, этот усталый стареющий человек всей своей двенадцатилетней службой как бы отвечает: нет, идеи и принципы не главное. Когда не хватает помещений, чтобы судить мошенников, воров, убийц, когда не хватает тюрем, чтобы содержать их, когда судьей становится какой-нибудь недоучка, который закончил вечерние юридические курсы, потому что единственное место в отцовской страховой компании занял старший брат, и который заполучил судейскую мантию после того, как тридцать лет оттрубил в полицейском участке, – тогда не до идей и принципов.

Что бы ни вещал по телевидению Нико делла Гуарди, его люди столкнутся с теми же извечными проблемами: одно преступление за другим, и никаких разумных способов прекратить их, нехватка дельных приставов, бесконечные просьбы оказать политическую услугу, много горя и много зла, которые всегда будут в этом мире, несмотря ни на какие идеи и принципы. Пусть теперь Нико окунется в это болото. Спокойствие Реймонда на краю бездны передается и мне.

– Ну и черт с ним, – беззаботно говорю я.

– Согласен. – Реймонд идет к столу заседаний, задвинутому в угол, и достает пол-литровую бутылку, которая всегда хранится в одном из ящиков. Он наливает виски в два складных стаканчика. Я подхожу к нему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.